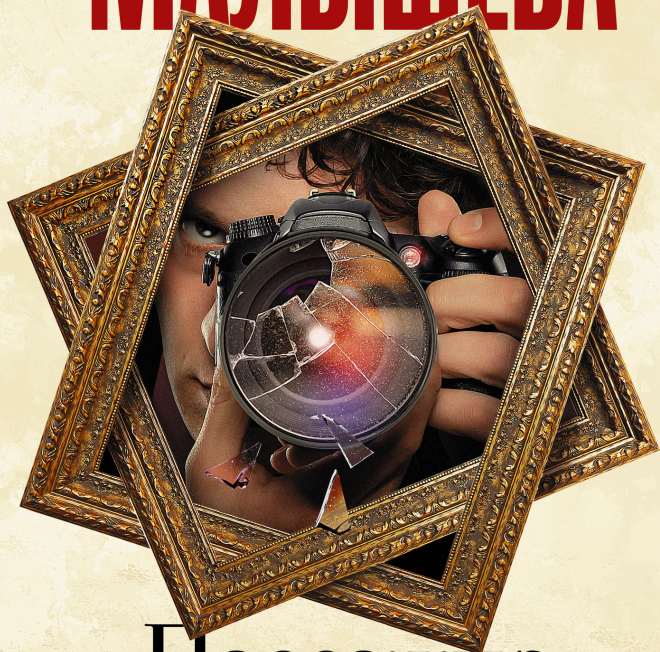

анна
МАЛЫШЕВА

Пассажир
без багажа

детектив

Анна Витальевна Малышева

Пассажир без багажа

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119577
Пассажир без багажа: АСТ; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-119120-7

Аннотация

О том, что «правда хорошо, а счастье лучше», знают все. Или почти все. Но есть те, кто этого знать не хочет...

Она добивается правды – какой бы горькой та ни была. Но сможет ли она простить того, с кем надеялась на счастье и кто скрыл от нее эту правду и тем самым не оставил себе шанса на жизнь?..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	34
Глава 3	63
Глава 4	93
Глава 5	121
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Анна Малышева

Пассажир без багажа

Глава 1

– Но почему же ты этого не сделал?!

– Забыл!

– Что значит – забыл?! – крикнула женщина. – Неделю назад я тебя спросила, ты купил обратные билеты? И ты ответил, что купил! О чем ты думал?!

Он повысил голос:

– Я хотел купить и забыл!

– Не ори!

Мужчина, наконец, обернулся. Все это время он говорил, лежа к ней спиной, и это бесило ее больше всего. Варя увидела его глаза, и на секунду запнулась. Потом она часто вспоминала этот взгляд. Он мог посмотреть на нее виновато – ведь он же, в самом деле, был виноват... Мог посмотреть раздраженно, устало... Да как угодно, только не равнодушно! А муж смотрел на нее так, будто она была чем-то вроде назойливой осы, залетевшей в гостиничный номер. Надо бы выгнать чертову осу, да лень вставать... Ее душила ярость, но при виде его лица слова застряли в горле. Женщина схватила сумку:

– Я иду на вокзал, нужно взять билеты! Номер оплачен до послезавтра, и если не удастся уехать, я не знаю, что мы будем делать! Деньги почти кончились... Ты идешь со мной?

– Зачем? – откликнулся он, снова отворачиваясь и подминая под голову подушку. – Возьми мой паспорт, и все.

– По-твоему, все в порядке? – Ее голос сорвался на визгливые нотки, и Варя осеклась. Захлопнула сумку, сунула ноги в туфли и выбежала в коридор.

– Можно мой пропуск? – спросила она у портье. – Семьсот восемьдесят первый номер. Нет, ключ у мужа. Он остался в номере.

Московский вокзал был прямо напротив гостиницы – только площадь перейти. Варя с трудом отыскала кассы дальнего следования, вошла и в эту минуту почувствовала, что в самом деле ненавидит мужа. Сейчас, в седьмом часу вечера, помещение касс было набито от окошек до самых дверей. Выбирать между очередями было бессмысленно – все одинаково длинные. Она встала в хвост одной из очередей, простояла минут пятнадцать, сжав зубы, задыхаясь от невыносимой духоты, и внезапно обнаружила, что стоит в справочное бюро. В ярости переменила очередь...

Через полтора часа она все-таки купила билеты – едва успела до закрытия касс. Ей достались два купированных верхних места – в разных купе... Правда, в одном вагоне. Вдобавок пришлось доплатить за какое-то питание – других билетов, без этой наценки, в кассах не было. Варя выбежала

на перрон, вдохнула раскаленный воздух и поняла, что ноги отказываются ее держать. Сегодня они прошагали по всему Эрмитажу – от египетского зала до импрессионистов. Чудесный был день, вот только... «Вот только он смотрел не на картины, а на паркет! – подумала она, заставляя себя передвигать ноги. – Спрашивается – зачем пошел в музей? Сидел бы в номере! Только настроение испортил!»

Ей очень хотелось вернуться в гостиницу, принять душ, лечь в постель... Но Варя поняла, что сейчас не может смотреть на мужа. Будет скандал. Один из тех безобразных скандалов, которыми в последнее время заканчивался каждый день. И она не пошла в гостиницу. Спустилась в метро, проехала одну остановку до станции «Чернышевская», купила в ларьке банку джина с тоником и битый час просидела в скверике, сбросив туфли на газон. Здесь было хорошо, тихо. Движения почти нет, народу немного. Все напоминало какой-то из московских бульваров – Покровский или Яузский. Только трамваев не хватает. Мимо то и дело проходили собачники, со своими любимцами на поводке. Один из псов заинтересовался ее туфлей на газоне. Пришлось встать и обуться.

«Боже, сколько же мы отшагали за эти дни? – подумала она, направляясь к метро. – Бегали по городу, накручивали километры... Будто спасались от кого-то. От самих себя, наверное... Самым лучшим было бы однажды разбежаться в разные стороны. Чтобы он повернул за один угол, а я за другой. И вот так и расстаться – без объяснений, без скандалов.

Но это можно было сделать и в Москве. Незачем для этого ехать в Питер! Правда, мы ехали сюда совсем для другого...»

Эту идею – сменить на время обстановку – подала ей лучшая подруга. Месяц назад Варя забежала к ней как-то после работы и за чашкой кофе не выдержала – пустила слезу, выложила все, как есть. Отношения с мужем становятся все хуже и хуже. Он ее не слушает. Просто не слышит! Когда она говорит – Андрей смотрит в сторону и думает о чем-то своем.

– Может, о работе? – предположила Кристина. – У него все в порядке?

– Брось! – Варя осторожно промокнула глаза бумажной салфеткой, чтобы не смазать тушь. – На работе у него все в порядке. Он хороший фотограф, а сниматься на документы по-прежнему нужно всем. Его не уволят.

– Думаешь, ему так уж интересно изо дня в день штамповать серые физиономии «три на четыре»? – заметила та. – Сама говорила сто раз – он способен на большее. Художественное фото ему удастся прекрасно! Почему он у тебя такой рохля? Попробовал бы устроиться в какой-нибудь журнал. Там и сейчас хорошо платят!

– Ты не представляешь, о чем говоришь! – вздохнула Варя. – В журналах своих фотографов хватает. Зачем им нужен чужак? Нет, дело не в работе. Раньше он был совсем другим, а занимался тем же самым... Он перестал со мной разговаривать! Приходит домой, поест, сядет у телевизора и весь

вечер переключает каналы. И ничего толком не смотрит, даже футбол! Знала бы ты, как это раздражает!

Кристина посочувствовала. Сама она этой весной развелась – уже второй раз. Ее семейная жизнь с точки зрения всех подруг представляла собой живописные развалины. Первый неудачный брак по горячей взаимной любви, второй – такой же неудачный – по расчету. От обоих браков – дети, семи и четырех лет. От первого мужа она регулярно получала символические алименты, второй платил больше, но реже... Женщине приходилось самой зарабатывать на жизнь и себе, и своим сыновьям. И все-таки она выглядела оживленной и вполне довольной жизнью. Сейчас Варя ей даже позавидовала. Она рассказала подруге, как тоскливо тянутся для нее вечера, когда муж дома, каким безрадостным ей представляется будущее... Закончила исповедь крамольными словами – произнесла их и сама себе удивилась:

– Знаешь, мне кажется, что я его больше не люблю.

– Да что ты! – Тут проняло и беззаботную Кристину.

– Я всегда радовалась, на вас глядя! Такая милая пара! У тебя что – кто-то завелся?

– Да нет...

– Тогда, может, у него есть другая женщина? – Кристина перешла на заговорщицкий шепот. – Ты об этом не думала?

– Почему же он такой унылый, если у него завелась любовница? – возразила Варя и смущенно добавила: – Кстати, насчет этого... У нас с ним теперь это бывает раз в месяц.

Прямо как у пенсионеров. И то, погасив свет и сжав зубы... Для приличия. Может, нам развестись?

Через полчаса они все обсудили – и странности Андрея, и дальнейшую линию Вариного поведения. Подруга горячо отговаривала Варю от поспешного развода. Заявила, что такие кризисы бывают у любых супругов – ей ли не знать! Что это надо как-то преодолеть, переломить себя. А самое лучшее – сменить обстановку! Поехать куда-то вдвоем. Сделать вид, что все начинается с нуля.

– В поездке все быстро выяснится, – уговаривала она Варю. – Или все наладится, или вы окончательно разругаетесь.

– Да мы и не ругались!

– Ну, так будете, если запустите это дело! – убежденно сказала она. – Почему бы вам не скатать в Питер? Деньги найдутся?

– Вообще-то да, но мы весь год копили деньги, чтобы отремонтировать дачу, – неуверенно ответила Варя. – Хотели провести в домик воду, сделать нормальный туалет...

– Да плюнь ты на этот туалет! – возмутилась Кристина. – Смысл жизни в нем заключается, что ли? Проведете эту воду, а через неделю разбежитесь – вот и вся радость! Ничего, еще годик ведрами ее потаскаете, с колонки, зато отдохнете в Питере, как люди. Ведь пашете, головы не поднимая! Ох, я бы хоть сейчас все бросила и поехала... Но детей девать некуда. Мама нянчится со своим ревматизмом, куда ей бегать за моими бандитами. А вам-то что? Детей нет. Бери би-

леты, и езжай!

Только через несколько дней Варя решилась предложить мужу съездить куда-нибудь отдохнуть. Тем более что у него скоро оплаченный отпуск, а она может взять дней десять без содержания... Он неожиданно оживился – таким она его давно не видела. «Питерский» план Андрей принял с энтузиазмом. Сам съездил на вокзал и взял билеты на «Красную стрелу». По телефону забронировал двухместный номер в гостинице «Октябрьская». Обратные билеты было решено покупать уже на месте – глядя по обстановке. Вдруг им захочется остаться подольше...

Варе уже казалось, что все наладится. Андрей проверял свой любимый фотоаппарат, закупал пленку, строил какие-то планы... Впервые за много дней заметил, что именно ест на ужин, и похвалил борщ. Еще накануне он бы не отличил его от пресной овсяной каши. И в Питере в первые два дня все было хорошо – чудесная погода, чистенький гостиничный номер и такой душистый крепкий кофе в маленьких уличных кафе, какого в Москве не найдешь и в ресторане... А на третий день впервые пошел дождь. Варя долго одевалась для прогулки под зонтиком, оживленно болтала, смеялась, а обернувшись к мужу, обнаружила, что он лежит на своей кровати с открытыми глазами и снова ее не слышит...

Кристина как в воду смотрела. В тот же вечер они начали скандалить, и следующая неделя вместо отдыха принесла им ад... Если Варя хотела ехать в Павловск, Андрей желал

погулять в Летнем саду. Если она соглашалась пойти в Летний сад, неожиданно оказывалось, что ему больше всего по душе остаться в номере и посмотреть футбол. Причем было ясно, что эту отговорку он придумал только что. Варя даже проверила его. Оделась, вышла из номера, а через пятнадцать минут неожиданно вернулась. И увидела, что он и не думал включать телевизор. Андрей поднял голову с подушки, удивленно посмотрел на нее... Она повернулась на каблуках и молча вышла. В Павловске она в тот день все-таки побывала. Но мраморные статуи и белые павильончики то и дело задегивались мутной пеленой, и тогда она поспешно вытирала глаза. Вечером было тягостное и бесплодное выяснение отношений. Говорила, как всегда, только она. Муж отделялся или молчанием, или односложными ответами.

– Я что – противна тебе? – спрашивала Варя.

– Нет, с чего ты взяла?

– Я вижу, что противна! У тебя кто-то есть? У тебя что – любовница в Москве осталась?

– Нет!

– Тогда в чем дело? Может, ты заболел?

– Перестань!

– Все, я развожусь!

В ответ на это он всегда молчал. Варя чувствовала себя униженной. Ну, сказал бы «да», в конце-концов! Или уж «нет»! Она бы хоть знала, чего он хочет! Но это молчание... Будто ей не стоит отвечать. Будто с ней невозможно серьезно

поговорить. Будто она – его жена – пустое место...

Но окончательное решение о разводе она приняла сегодня, узнав, что Андрей и не подумал купить обратные билеты. Испортил ей отдых! Даже не подумал извиниться! Даже не предложил сбегать в кассы и купить билеты самому. Послал ее. Впрочем, нет. Даже не посылал. Ему на все было наплевать, на нее – в первую очередь. Она возвращалась в гостиницу, чувствуя странное оживление – после такого-то тяжелого дня... «Наконец-то я решилась, – думала она, входя в лифт, нажимая на кнопку четвертого этажа. – Теперь будет легче... Ничего, разводятся же люди, и живут потом прекрасно. Взять ту же Кристину... Главное – ни с кем не советоваться. Отговорят. И отец с мамой тоже будут против. И на работе удивятся. И соседи не поймут. Боже, почему я всегда думаю, что скажут люди, почему слушаю дурацкие советы? Наверное, потому, что сама не знаю, чего хочу. А теперь знаю. Я не хочу больше с ним жить! К черту все! Почти десять лет прожили, и хватит!»

Варя прошла по бесконечным коридорам. Потертое ковровое покрытие на полу заглушало звуки ее шагов. Наконец, вдали показалась освещенная настольной лампой стойка портье. Дежурила уже другая женщина. Она смотрела телевизор с приглушенным звуком. Не доходя до нее, Варя повернула налево и стукнула в дверь своего номера. Муж не ответил. Она нажала ручку двери, и обнаружила, что он не заперся. В номере было темно. Она включила свет и загля-

нув в комнату, увидела, что Андрей лежит на постели в той же позе — как будто за несколько часов даже не пошевелился.

— Как ты можешь спать с открытой дверью? — спросила она, устало опускаясь в кресло. — Я купила билеты. Да открой глаза, наконец! Мне нужно с тобой поговорить.

Он шевельнулся, прикрыл лицо ладонью, жмурясь от яркого света.

— Который час? — вяло спросил он. — Боже мой, как тут жарко...

Она включила ночник над своей постелью, погасила верхний свет, распахнула окно. В комнату ворвался ветер с Балтики и шум оживленного перекрестка. Этот шум доводил ее до помешательства в первые ночи. Здесь, на пересечении Невского и Лиговского проспектов, движение не затихало даже в самое глухое время. А в четыре часа утра слух начинала терзать поливальная машина, которая с визгом описывала бесконечные круги вокруг обелиска в центре площади.

— Нам нужно поговорить, — повторила она, усаживаясь на свою постель. — Ты слушаешь меня? Я решила с тобой развестись.

Она так часто повторяла эту фразу в последние дни, что теперь это не произвело на Андрея никакого впечатления. Он решил, что жена решила начать очередной скандал и прикрыл глаза. Варя вздохнула:

— Это тебя не волнует?

Молчание.

– Может, ты мне не веришь?

Молчание. Проклятое молчание! Она пожала плечами, встала, не торопясь, разделась и ушла в ванную. Приняла горячий душ. Расчесала длинные, потемневшие от воды волосы. У корней они успели стать каштановыми. Варя подумала, что как только приедет в Москву, сразу подкрасится. Нет, сначала все-таки подаст заявление на развод. Это она сделает в день приезда. Немедленно.

Ей хотелось есть. Она открыла холодильник, сделала себе бутерброд с сыром, налила ледяного соку. Включила телевизор. Старенький «Рекорд» ловил две немецкие волны – по одной круглые сутки показывали спорт, другая была музыкальная. Варя жевала бутерброд и с подчеркнутым интересом наблюдала за прыжками в воду с трамплина. «Ни слова ему больше не скажу, – решила она. – Достаточно унижений. В Москве все узнает. Только бы выдержать, пока нас не разведут. Да, а как же быть с квартирой? Придется что-то решать...» В конце-концов она решила, что разменивать двухкомнатную «хрущевку» – это уж слишком. Муж зарабатывает неплохо. У него есть дача, пусть забирает ее себе, и делает с ней что хочет. Как-нибудь перебьется. «Наверное, он не будет скандалить из-за квартиры, – думала она, наблюдая за тем, как врывается в воду широкоплечая немка с решительным загорелым лицом. – Он не жадный. Уж этого про него не скажешь... Ну теперь мне плевать на его достоинства. Может, их немало. Только мне они не нужны.»

Через час она погасила свет и закрыла окно. Шум машин слегка отдалился, но она еще долго не могла уснуть. Потом она, уже сквозь дремоту, слышала, как Андрей встает, открывает холодильник, как шипит газированная вода в стакане. Потом он снова лег.

На другой день она встала раньше мужа, быстро умылась и ни слова не говоря, ушла. Билеты на поезд она оставила на журнальном столике – пусть сам прочитает, когда они уезжают. Варя пешком прошла половину Невского проспекта, у здания бывшей Думы увидела экскурсионный автобус, отправляющийся в Кронштадт, купила билет и с наслаждением подумала, что отныне она сама себе хозяйка и будет отдыхать, как ей вздумается. Хотя бы в этот, последний день.

А день был сияющий, солнечный и синий. Автобус ехал по только что отстроенной дамбе, пересекающей Финский залив, оставляя справа и слева крохотные островки. Там, среди зелени и пены прибоя, виднелись потемневшие от времени кирпичные развалины военных крепостей. Стало жарко, Варя скинула плащ и держала его свернутым на коленях. Она давно не ощущала себя такой свободной. Рядом сидел не муж, а совершенно чужой мужчина, она даже имени его не знала, и знать не хотела. Не нужно было спрашивать, заметил он тот или иной островок, призывать восторгаться за компанию, не нужно было слушать его молчание... И даже то, что они с Андреем никогда не были вместе в Кронштадте – этот город до последнего времени был закрытым – радова-

ло Варю. Это был символ освобождения. Новой жизни – такой же свободной, воинственной, золотой и синей, как этот новый для нее город, как весь этот день...

Варя допустила только одну оплошность – уже в конце экскурсии, перед морским собором изумительной красоты, она, слушая экскурсовода, слегка повернула голову и машинально шепнула: «Андрей, снимай скорее, сейчас уезжаем...» И осеклась, вспомнив, что мужа у нее за спиной нет. Варя рассердилась на себя, и в то же время слегка испугалась. Ей впервые пришло в голову, что не так-то просто будет отвыкнуть от этого ощущения – что рядом кто-то есть. «Ну, ничего, – уговаривала она себя в автобусе, возвращающемся в Питер. – Мне двадцать девять лет. Смешной возраст. Не смогу жить одна – запросто выйду замуж. Уж теперь я буду умнее...»

Андрея в гостиничном номере не было. Портье выдала ей ключ и сказала, что ее муж ушел где-то час назад.

– Мы завтра в двенадцать съедем, – напомнила ей Варя. – У вас есть камера хранения? Поезд только в полночь.

– А вы оплатите номер до вечера, – предложила женщина. Но Варя вежливо отказалась. Номер был хороший, но к чему он ей? Чтобы просидеть там полсуток наедине с мужем?

В номере она обратила внимание на то, что второй билет со столика исчез. Наверное, Андрей взял его себе. Она усмехнулась, подумав, что он, должно быть, удивился, когда увидел, что они поедут в разных купе. «Наверное, решил,

что я нарочно купила такие билеты, чтобы наказать его. — Она с наслаждением переобулась в тапочки. — Ох, устала... И почему я все эти дни таскалась с ним? Или скандалила... Как бы я чудесно отдохнула одна! Дура я, дура. Нечего было слушать Кристинку. Нужно было поехать сюда одной — вот тогда бы до меня живо дошло, что он мне уже не нужен!»

Андрей вернулся около десяти часов вечера. Варя к тому времени принялась укладывать вещи. Она сухо спросила, взял ли он свой билет. Подчеркнула слово «свой» — чтобы он понял, что отныне у них все будет раздельное. Ничего общего уже не будет.

— Взял, — так же сдержанно ответил он. — Ты где была весь день?

Она с наслаждением промолчала. О, наконец-то она тоже могла промолчать в ответ! Андрей постоял рядом, наблюдая, как она быстро складывает в сумку свои майки, и ушел в ванную. В тот вечер они больше не обменялись ни словом.

Только наутро Варя сама заговорила с ним. Она сказала, что уложила вещи отдельно — в одной сумке — его, в другой — ее одежда. Что она собирается сдать сврю сумку в камеру хранения в гостинице и провести день по своему вкусу. Он может делать, что хочет. И повторила:

— Надеюсь, ты помнишь, что в Москве мы немедленно разводимся?

На этот раз до него, очевидно, дошло, что это не пустые слова. Он попытался что-то сказать, но она, опередив его,

схватила свою сумку и стремительно вышла в коридор. Ее окликнула портье, и Варя сказала, что номер сдаст муж, а она спускается вниз. И до отхода поезда она больше не видела Андрея.

В этот день она бродила по городу, уже не обращая внимания на отнимающиеся, будто свинцом налитые ноги. Зато будет о чем вспомнить в Москве, когда она снова встанет за прилавок зоомагазина. Будет торговать белыми мышами, клетками, кормами для кошек, птиц и собак. Подбирать для зверья ошейники и поводки, игрушки и витамины, а раз в неделю – вести ветеринарную консультацию – здесь же, в магазине. Когда-то, учась на биофаке, Варя мечтала о серьезной научной работе. В конце-концов, пришлось поступиться честолюбивыми планами. Но зато она осталась в окружении любимого зверья, и при этом получала стабильную зарплату. Правда, в магазине стоял крепкий дух от множества клеток – здесь же, по сезону, торговали породистыми курами, утятами и гусятами. Крысы, мыши и попугаи тоже атмосферу не озонировали. Многим с непривычки становилось дурно, но Варя привыкла. Она даже шутила, что у них с Андреем очень пахучие работы. У него в фотомастерской тоже было нечем дышать – в том же помещении на нескольких машинах шла проявка и печать, студию Андрея отделял от мастерской только черный занавес. Пахло так, будто здесь только что разбили бутылку концентрированного уксуса.

Варя опомнилась. Опять она думает о муже! Какое ей де-

ло, чем пахнет у него на работе? Больше она не переступит порога той фотостудии. «Кошек я ему тоже не отдам!» – мстительно подумала она. У них дома жили две британские кошки – Кришна и Вишну. Варя назвала их так за поразительную невозмутимость и округлые формы. На их серых щекастых мордах было написано какое-то сверхъестественное спокойствие. Сейчас кошки находились под присмотром Вариной мамы – та на время переселилась к ним.

День тянулся бесконечно. Денег после покупки билетов осталось в обрез, и Варя избегала заходить в кафе. Почти три часа она просидела в Летнем саду, с большим стаканом пива в руках. Отбивалась от наглых ос, рассматривала свадьбы – женихи с невестами появлялись здесь примерно раз в полчаса. Потом она прогулялась по набережной. Перегнувшись через парапет у Михайловского замка, долго швыряла копейки в памятник Чижику-Пыжику, стараясь попасть на крохотный постамент, укрепленный на полметра выше уровня воды. Монетки падали в воду, отскакивая от бронзовой птички. Наконец, Варя пристрелялась и попала – пятикопеечная монетка отскочила от хвостика Чижики и легла рядом на постамент. Памятник появился недавно, и вместе с ним появилась свежееиспеченная примета – кто даст Чижику «на водку», тому Чижикик обеспечит удачу, выпив за его здоровье. «Удача бы мне не помешала, – подумала она, глядя на часы. – Ну, до поезда осталось немного. А завтра – клянусь! – иду в ЗАГС, подавать на развод».

В одиннадцать вечера она уже стояла на платформе Московского вокзала. В кармане у нее был билет, возле ног – сумка. До отхода поезда оставался почти час. Спешить было некуда... Но Варя почему-то нервничала. Она ругала себя за это: «Какое тебе дело – опоздает Андрей на поезд или нет? Опоздает – тем хуже для него и лучше для тебя! Не столкнешься с ним в вагоне!» Но все уговоры были напрасны – она все равно выискивала мужа в толпе и никак не могла найти.

К платформе подали московский поезд. Это была та же самая «Красная стрела», на которой они сюда приехали. Варя быстро подхватила сумку, прошла к своему вагону. Проводница уже стояла на платформе, натягивая белые сетчатые перчатки. Можно было садиться... Но Варя решила подождать. Она нервничала все больше. Андрея нигде не было видно. Посадка шла вовсю, до отправления оставалось чуть больше десяти минут... «О чем он думает? По-моему, у него почти нет денег. Не может ведь он здесь остаться...» За шесть минут до отправления поезда в конце платформы показался Андрей. Он шел не торопясь, будто у него было много времени в запасе. Варя заторопилась – ей не хотелось, чтобы он увидел, как она ждет у вагона. Еще решит, что она беспокоилась...

На нижних полках в ее купе ехала женщина с дочерью-подростком. На верхней стояла большая сумка. Парень в спортивном костюме – явно ее обладатель – стоял в коридоре, перед окном. Варя поздоровалась с соседками, па-

рень помог ей забросить багаж наверх. Женщина колебалась. Выйти в коридор? Она столкнется с мужем. Остаться в купе? Но ей хотелось увидеть мужа, взглянуть ему в лицо. Варя места себе не находила.

Она сама не понимала, что с ней творится. В эту минуту ей вдруг захотелось остаться с Андреем наедине, заплакать, попытаться поговорить начистоту. Она не ожидала от себя такой слабости – еще несколько часов назад она ни в чем не сомневалась. «Это просто привычка, – твердила она про себя, присаживаясь на край нижней полки у открытой двери. – Я привыкла быть рядом с ним. Это уже не любовь. Мне просто неуютно без него. Это все равно, что бросить курить и тосковать о сигарете...» Она знала, о чем говорит – Варя бросила курить четыре года назад, когда у нее возникли подозрения, что она беременна. Подозрения не подтвердились, но к сигаретам она больше не прикасалась. Женщина подумала, что будь у них с мужем ребенок, все бы сложилось иначе. Она бы стала терпимей относиться к его молчанию. Не приставала бы к нему, не лезла бы в душу. У нее просто не нашлось бы на это времени. Рядом был бы ребенок. Близкое существо, плоть от ее плоти, ради которого она бы стерпела многое. И Андрей тоже хотел сына... Но ничего у них не получалось.

Она увидела в коридоре мужа и машинально отшатнулась. Но Андрей даже не посмотрел в ее сторону, хотя наверняка знал, что ее место – в этом купе. Зашел в следующее, и спу-

стоя минуту Варя слышала, как в стенку наверху ткнулась его сумка. Только теперь она сообразила, что его место находится рядом с ее полкой. Их разделяет только стена. «Можно перестукиваться, – подумала она. – Нет... Не стоит. Это глупо. Вообще все это глупо. Зачем я от него спряталась? Веду себя как девчонка. Боюсь передумать, что ли?»

Поезд тронулся. Спустя некоторое время вошла проводница, уложила на стол четыре пластиковых коробки. Там находилось то самое питание, за которое пришлось доплачивать в кассе. Булочки, колбаса, печенье... Также проводница выдала фиксатор для дверного замка – нехитрое пластиковое приспособление с пружиной – оно надевалось на дверную ручку, и купе нельзя было отпереть снаружи. Варя сходила в туалет, умылась и, вернувшись в купе, сразу залезла наверх и отвернулась к стене. Есть никто из соседей не стал. Вскоре все легли и погасили свет.

Поезд шел быстро, вагон потряхивало, полка слабо скрипела в такт тряске. Этот ритм всегда ее убаюкивал – будто качаешься в колыбели... Она устала за этот бесконечный день, глаза щипало, ей хотелось спать, но ее то и дело выбрасывало из сна. За окном все время появлялись огни – поезд мчался мимо пригородных станций. Варе показалось, что в стенку стукнули, и она замерла, прислушиваясь. Ничего. Наверное, он заворочался во сне и ударил в стену локтем. Случайно. Вряд ли он вообще понял, что за стеной лежит она. Варя приказала себе думать о чем-то постороннем. О кошках, на-

пример. О работе. О крокодиле, который продавался у них в зоомагазине. Беда с этим крокодилом... Взяли его полгода назад совсем малышом, и никак не могут продать. Раз в неделю ему полагается курица. Он уже съел столько кур, что почти превысил свою продажную цену. Всего-то за него просят полторы тысячи рублей – и все-таки никому крокодил не нужен. А чего стоит чистить ему террариум? Крокодила приходилось доставать за хвост, при этом он норовил откусить Варю руку. Она набрасывала ему на морду сложенное полотенце, чтобы на несколько секунд сбить с толку. В последнее время этот маневр перестал его отвлекать. При последней чистке она едва не осталась калекой – еле успела отдернуть руку... «Интересно, продали Гену или нет? – подумала она. – Вдруг приду послезавтра на работу – а его террариум пуст... А ведь я уже привыкла к нему. Смешно он лопает... Набьет пузо за пять минут, и неделю таращит глаза».

Она все-таки уснула – когда Варя снова очнулась, то увидела, что поезд стоит на какой-то станции. «Бологое, – поняла она, слегка раздвигая занавески. – Совсем светло...» Ее часы показывали четыре двадцать пять. Ровно через четыре часа она уже будет в Москве. «Надо бы выспаться», – подумала Варя и тут же поняла, что спать ей уже не хочется. Она полежала еще немного, дождалась, когда поезд тронется и осторожно, чтобы не разбудить соседей, спустилась вниз. Сняла с замка фиксатор, повернула ручку и вышла в коридор. Взглянула на дверь соседнего купе. Дверь была слегка

приоткрыта. Наверное, там тоже кто-то не спал. Варя передвинулась к следующему окну, мельком заглянула в купе. Там было темно и тихо. Кажется, все спят. Ей показалось, что она различила фигуру мужа на верхней полке.

В конце вагона хлопнула дверь. В коридор вошла тоненькая блондинка в длинном вечернем платье. За ней следовал явно подвыпивший парень. Варя прижалась к окну, чтобы пропустить их. Пара явно шла из вагона-ресторана, и профессия девушки не вызывала сомнений. После нее осталось облако сладких духов. Парня шатало, но он старался идти ровно. Они перешли в другой вагон, а Варя снова осталась одна. На окнах в такт движению покачивались цветы в красных плетеных кашпо. Варя машинально сорвала один листик декоративного клена, размяла его между пальцами. Прошла к туалету, дернула ручку. Там было заперто. Она прошла в другой конец вагона. Второй туалет тоже был заперт. «Странно, – подумала она. – Станцию давно проехали, пора бы отпереть. Полпятого утра. Почему все занято?»

Она простояла в коридоре минут десять, глядя на проносящиеся за окном озера, слабо освещенные зарей, которая была еще где-то за горизонтом. В неподвижной румяной воде отражался темный тростник. Там было так тихо, безлюдно и красиво, что у нее сжалось сердце. «Какая же я дура, – вдруг подумала она. – Почему я сама все порчу? Неужели обязательно так сразу взять и развестись? Нет, нет! Я просто чего-то не понимаю, а он не хочет объяснить. Не могу же я

остаться одна. Не хочу! Завтра мы поговорим, обязательно поговорим, и все уладится...» Ее мысли поменяли направление, когда она взглянула на часы. «Однако... Почему никто не выходит из туалетов? Может, проводники забыли их отпереть?»

Она прошла к купе проводников, заглянула. Пустой диванчик. Пульт. На стене – наушники. Свет горит – и никого. В соседнем двойном купе, где обычно ехала вторая проводница, дверь была слегка приоткрыта и установлена на тормоз. Внутри темно и тихо. Варя присмотрелась и увидела, что обе полки – верхняя и нижняя – заняты. «Спят себе спокойно! – разозлилась она. – Заперли туалеты и дрыхнут! О, черт!» Она постучалась – сперва легонько, потом сильнее. Проводницы не просыпались. Варя усмехнулась: «И это в кассе называется „вагон повышенной комфортности!“ Придется идти в соседний.»

Она вернулась в конец вагона. Снова взглянула на дверь купе, где ехал Андрей. Теперь дверь была плотно закрыта и, наверное, заперта. В нерабочем тамбуре курила сонная девушка в шортах и белой помятой майке. В соседнем вагоне туалет был открыт. Варя еще раз выругала про себя нерадивых проводников. Когда она возвращалась, девушки в тамбуре уже не было. В пепельнице дымился окурочок. Варя вошла в свое купе и забралась на верхнюю полку. Ей не скоро удалось уснуть. Сон одолел ее только тогда, когда она смутно подумала, что теперь спать не имеет смысла – скоро Москва...

Когда она слезала с верхней полки, соседки внизу уже вытаскивали в коридор свои сумки. Парень с верхней полки тоже исчез. Варя наскоро причесалась, выглянула в коридор. В окнах вагона мелькали подъездные пути Ленинградского вокзала. День был серый, судя по всему – прохладный. На оконных стеклах дрожали капли дождя. «Подожду, когда коридор освободится, – решила она. – Андрей, наверное, тоже ждет». Во всяком случае, в коридоре она его не увидела.

Наконец, поезд затормозил. Она дождалась, когда коридор почти опустеет, вышла и заглянула в соседнее купе. Там было пусто. На верхней полке, где ехал Андрей, лежало скомканное одеяло. Мужа не было. Она вскочила на лесенку и заглянула на багажную полку. Его сумка была там. Она обратила внимание на то, что на столе, среди чашек с недопитым кофе, стоял один нетронутый пластиковый лоток с питанием. Он был даже не распечатан. Больше никаких следов пассажиров. Впрочем...

Она увидела на столе, рядом с лотком, сложенный билет с надорванным углом. Развернула его... Это был билет мужа – на его фамилию, с его местом. Утром проводница прошла по купе и вернула всем билеты. Остальные пассажиры из его купе унесли билеты с собой. Андрей к своему не прикоснулся. Так же, как к сухому пайку. Варя занервничала всерьез – в конце-концов, где сейчас околачивается муж? В вагоне уже совсем не осталось пассажиров.

Она с трудом стянула вниз сумку мужа. Обратила внима-

ние на то, что «молния» наполовину раздернута. Варя прекрасно помнила, что, когда упаковывала его вещи, фотоаппарат положила наверх. Теперь его не было. Но в остальном, вещи лежали так, как она их уложила в гостинице. Она закрыла сумку, уложив туда лоток с питанием, взяла со стола билет и вышла в коридор. Туда же вынесла свои вещи. И задумалась. Что же теперь делать? Вытащить сумки на перрон? И тащиться с ними домой? «Ну нет, – с досадой подумала Варя. – Я надорвусь. И где он шатается? Может, тоже вышел?» Она пробежалась по вагону, заглядывая в опустевшие купе. Андрея нигде не было. За этим занятием ее и застала вернувшаяся в вагон проводница.

– Извините, – начала Варя, предупреждая ее вопросы. Было видно, что девушка, застав в вагоне пассажирку, слегка удивлена. – В соседнем купе ехал мой муж. Его вещи на месте, а его самого нет. Как-то странно!

– Какое у него было место?

Варя показала ей билет Андрея. Девушка вошла в купе, заглянула наверх, будто ожидая, что пассажир там спрятался, и пожала плечами:

– Ну вы же видите, его нет. Может, вышел на перрон?

– А сумку бросил? – возразила Варя. – Вы не помните – когда утром отдавали билеты, он был в купе?

Девушка нахмурилась и покачала головой:

– Я ведь не могу всех пересчитывать.

У Вари лопнуло терпение. После ночных недоразумений

с туалетами она не собиралась церемониться.

– Вы, похоже, вообще не обращаете внимания на пассажиров! – едко сказала она. – Я после Бологово полчаса не могла попасть в туалет! Все было заперто, пришлось идти в двенадцатый вагон! А вы спокойно спали! Я к вам стучалась!

Девушка насторожилась:

– Вы что – хотите жалобу написать?

– Я только хочу найти мужа! Куда он, по-вашему, мог деться?

Услышав, что пассажирка не собирается жаловаться, проводница сразу сменила тон. Извинилась. С милой улыбкой объяснила, что перед станцией заперла туалеты и прилегла на две минутки отдохнуть. Как уснула – сама не помнит. Она, конечно, виновата... Варя впала в отчаяние и перебила ее:

– Ладно, давайте об этом забудем! Меня сейчас совсем другое волнует!

Они вместе обыскали весь вагон. Проводница начала заглядывать даже под нижние полки, чем очень напугала Варю.

– Ох, всякое бывает, – вздыхала девушка. – Конечно, милиция с нами едет, но все равно иногда случается такое... Один раз в нашем поезде младенца нашли – в туалете, под умывальником. Какая-то дрянь родила прямо в туалете и сунула его туда. Ее в конце-концов отыскивали, уголовное дело заводили... И проводницам, конечно, неприятностей хватило. Недосмотрели, видите ли. А чем они виноваты? Не можем ведь мы за всеми следить... Кстати, – она вдруг остано-

вилась. – Сейчас туалеты проверю. Правда, их не я, а Галка заперла. Галя!

В коридоре появилась вторая проводница. Быстро уяснив, в чем дело, она вынула ключ:

– Сейчас откроем. Тот дальний я сама заперла. А наш туалет – ты, Наташ.

– Я? – удивилась вторая проводница. – Я ни один не заперла. Перед Москвой дернула двери – обе заперты. Думала, ты постаралась.

Быстро выяснилось, что Галя за двадцать минут до Москвы проверила и заперла туалет в конце вагона. А первый был еще занят, там слышался плеск воды. Она постучала ключом в дверь и вежливо попросила поторопиться. Потом пошла раздавать билеты. Видела, как в сторону туалета прошла Наташа, как она разминулась с мужчиной – тот шел по коридору с полотенцем на плече. И решила, что Наташа заперла за ним туалет. Девушки перестали препираться, странно взглянули на Варю и отправились в конец вагона. Варя бросилась за ними.

– Что за черт! – пробормотала Галя, пытаясь повернуть ключ в замке и нажимая ручку. – Не двигается. Заело, что ли?

Наташа тоже попробовала отпереть, потом сильно постучалась и припала ухом к двери.

– Странно, – сказала она и снова взглянула на Варю. Та стояла, ни жива ни мертва. – Даже ручка не поворачивается.

Может, фиксатор изнутри надели?

— Придется ломать, — тихо сказала Галя. — Женщина, вы посидите пока в купе. Идите в первое. Подождите немножко. Наташ, сбегай за Дмитрием Павловичем. Пусть он решит, как быть.

Варя прошла в указанное купе. Села на небрежно заправленную постель, ощущая, как начинают дрожать ноги. Она чувствовала, что долго сохранять спокойствие не сможет. Из всех сил приказывала себе держаться. Вовсе не обязательно, чтобы в этом туалете заперся Андрей. Совсем не обязательно, но... Где же он, в таком случае? Она не вынесла ожидания, выбежала в коридор, выглянула во все окна. На перроне мужа не было. Сумка с его вещами по-прежнему стояла в коридоре. Теперь Варя боялась на нее смотреть. Все мысли о разводе, об отчуждении исчезли. Их смело горячим потоком тревоги. Теперь она чувствовала, что ее «твердое решение», принятое в Питере, было скоропалительным. И повторяла про себя: «Пусть он найдется, пусть он найдется, я ни слова ему не скажу, пусть молчит, если хочет...»

Она услышала в коридоре мужской голос, но это был не Андрей. Наверное, пришел начальник поезда. Варя слышала, как снова пытаются открыть дверь туалета. Как в дверь стучат, как приказывают открыть.

Дверь вскрыли через полчаса. Услышав шум взлома, Варя вышла в коридор и застыла у окна, опираясь на поручень. Ноги ее не держали. Отсюда ей было видно, как развинчива-

ют замок, как загоняют в открывшуюся щель массивное долото... Дверь дрогнула и приоткрылась.

– Так, – сказал мужчина в железнодорожной форме с погонами, едва заглянув в туалет. – Ну-ка, Галя, бери рацию и вызывай «скорую». А я попробую его снять.

Варя, наконец, выпустила поручень и бросилась к туалету. Оттолкнула мужчину и заглянула. Она увидела мужа. Точнее, его спину, которая появилась перед ней как-то странно высоко. Она не сразу поняла, что его ноги не касаются коврика на полу. В первый момент ей показалось, что он стоит, тесно прижавшись к окну, будто высматривая кого-то на перроне. Но что можно было увидеть сквозь белое матовое стекло?.. Потом она увидела валяющийся в раковине фотоаппарат – без футляра. Пустой футляр покачивался возле бедра Андрея. И наконец, заметила, что ручка наглухо задраенного окна обмотана кожаным ремнем, на котором висел футляр. Впрочем, теперь не только футляр... Этот же ремень туго врезался в шею Андрея. В зеркале отражалась часть его лица, прижатого к оконному стеклу. Это искаженное лицо показалось ей совсем чужим, незнакомым. И все-таки, она его узнавала.

– Это ваш муж? – спросил ее начальник поезда, все еще задыхающийся после борьбы с замком.

Варя открыла рот, чтобы ответить, но не услышала своего голоса.

– Это он? – тихо, испуганно спросила ее Наташа, возник-

шая у нее за спиной.

Варе, наконец, удалось двинуть губами. Наверное, ее ответ слышала только она сама.

– Да, – сказала Варя. – Это он.

Она почувствовала, что ее берут под руку. Наверное, это была все та же Наташа. Варя даже не взглянула, кто помог ей дойти до ближайшего купе, кто усадил ее и предложил минеральной воды. К стакану она не притронулась. Сидела, уставившись на свои колени. И прислушивалась к тому, что творилось возле туалета. В стенку коридора что-то ударилось. Она косо взглянула в ту сторону и увидела потемневшие, отполированные ручки брезентовых носилок. Зажмурилась, чтобы больше ничего не видеть. Если бы можно было и не слышать... В вагоне появлялись все новые мужские голоса, слышались тяжелые торопливые шаги, какая-то возня возле туалета. Ее тронули за плечо:

– С вами тут поговорить хотят.

Она подняла глаза. Фигура проводницы расплывалась, она казалась сине-белым пятном.

– Он уже умер, да? – глухо спросила Варя. – Он уже был мертвый?

– Да, – будто издалека, донесся до нее ответ. – И Дмитрий Павлович говорит, что уже давно... Ой, я просто не знаю, что будет! Первый раз у нас такое, мы четвертый год с Галкой ездим... Вы можете встать? Или вам помочь? Может, таблетку примете, от сердца? У нас есть аптечка.

– Не надо, сердце у меня в порядке, – пробормотала Варя.

– Там милиция ждет, – добавила девушка.

– Да-да, сейчас, – Варя попыталась встать, но тут же снова опустилась на полку и спрятала лицо в ладонях. Только сейчас она по-настоящему поняла, что все кончено и Андрея она больше не увидит. Проводница еще что-то говорила ей, но Варя не слышала. В голове билась, не находя выхода, одна мысль: «Что я ему сказала в последний раз? Что я сказала? Что он ответил? Не помню, не знаю... И уже никогда не узнаю...»

Глава 2

Поезд пришел в Москву в восемь двадцать пять утра. Домой Варя попала только в четвертом часу пополудни. Медленно взобралась по лестнице, стараясь идти так, чтобы сумки не били ее по ногам. Поставила их перед дверью, достала ключи. Не успела она повернуть первый ключ в замке, как дверь распахнулась и на пороге появилась мать:

– Господи, куда же вы пропали?! Я чуть с ума не сошла! Пироги пересохли, весь обед простыл... Ну, с приездом, заходи, наконец-то... А где Андрей?

Варя молча поставила сумки в прихожей, скинула туфли, прошла в большую комнату. Присела на диван, машинально погладила кошку. Та спала, свернувшись в клубок, и со спины невозможно было определить, кто это – Кришна или Вишну. Кошка тут же проснулась, увидела Варю и с урчанием залезла ей на колени. В комнату вошла встревоженная мать:

– Варь, а где Андрей? Я там стою-стою, жду, когда он поднимется...

– Мам, сядь, – попросила Варя. Но та ее не послушалась и гневно взмахнула кухонным полотенцем:

– Скажи по-человечески – опять поссорились?

– Нет, мама. Ты можешь дать мне воды?

Мать с ворчанием ушла на кухню. Оттуда доносился теп-

лый запах пирогов. У Вари дрожали руки – то ли от тяжелых сумок, то ли от волнения. На вокзале, в помещении милиции, она держалась хорошо. Не плакала, не кричала, пыталась толково отвечать на вопросы. А сейчас опять размякла, и, когда мать принесла ей воды, едва смогла взять стакан. Та, наконец, поняла, что с дочерью творится что-то неладное. Присела рядом, заглянула ей в лицо:

– Варюша, ты лучше сразу скажи мне, в чем дело. Все-таки разводитесь? Я уже знаю, мне Кристинка твоя насплетничала. Звонила пару раз сюда, пока вы в Питере были. Мы с ней поболтали. Почему же ты со мной не посоветовалась? – с заметной обидой спросила она. – Нашла у кого спрашивать... Она же ни с кем ужиться не может, а я с твоим отцом уже тридцатый год живу. Слушай, куда Андрей поехал? К своим, в Жуковский? Или на дачу?

Варя, наконец, отпила воды и поставила стакан на журнальный столик. Пришла вторая кошка, лениво потерлась о ее ногу и полезла на диван. Кришна и Вишну были сестрами, из одного помета. Их задешево продала Варе одна из сотрудниц в магазине. Кошечки родились от прекрасных родителей-чемпионов, однако обе оказались с экстерьерными недостатками – у одной голубые глаза, а не желтые или оранжевые, как полагалось этой породе. Вторая обладала «неуставным», узким белым воротничком под горлом, нарушавшим обязательную серую однотонность. С такими недостатками кошкам трудно было рассчитывать на породистых женихов.

Но Варя и не собиралась делать деньги с помощью своих любимиц. Они, похоже, это ценили и всегда утешали хозяйку, если она грустила. Вот и сейчас они тесно прижались к ней.

— Варя, я к тебе обращаюсь! — Мать не выдержала и сильно тряхнула ее за плечо: — Сидишь, будто каменная! Что он натворил — можешь сказать?

Она очнулась и перестала гладить кошку. Все это время ее рука автоматически теребила короткую плюшевую шерсть Кришны.

— Разве я не сказала? — вяло ответила она. — Он умер. Повесился сегодня утром. Или ночью, я не знаю.

Варя услышала короткий отчаянный выдох и повернулась к матери. Та смотрела на нее так, будто дочь неудачно, зло пошутила.

— Ты не веришь? — спросила Варя. — Я тоже... Не очень верю. Мы ехали в разных купе, а утром обнаружилось, что он повесился в туалете. В том, что рядом с проводниками, знаешь, в начале вагона...

Теперь мать поверила. Она схватила Варины руки и больно сжала их, ее глаза наполнились слезами:

— Варечка, как же так? Почему?! Он не сказал?

— Нет. Мы почти не разговаривали в последнее время.

— А где он сейчас? — Мать осеклась и тут же поправилась: — Где тело?

— Взяли на вскрытие, — автоматически, совершенно равнодушно ответила Варя. — И фотоаппарат тоже. То есть, его-

то не на вскрытие, а просто забрали. Сказали, потом вернут.

Известие, что Андрей повесился на ремне от футляра, окончательно сразило ее мать. Она вскочила и ушла на кухню. Варя посидела на диване, закрыв глаза и ощущая, что вот-вот уснет. Наверное, это было ненормально – спать в такое время, всего через несколько часов после того, как скончался муж. Но она засыпала. Не в силах бороться с усталостью, Варя прилегла на диван, подложив под щеку жесткую вышитую подушечку. Эту подушечку когда-то вышивала ее бабушка. Там была изображена мельница на берегу озера, в окружении цветов. Все это было вышито с невероятной тщательностью, мелким крестиком. В детстве Варя любила спать на этой подушечке. Когда она просыпалась, у нее на щеке оставался отпечаток этих бесчисленных крестиков. Она слышала сквозь наплывающую дремоту, как мать укрывает ее пледом, как устраивается в ногах кошка. А потом наступила тьма – и это было для нее спасением.

Она проснулась уже под вечер. В комнате тихо бормотал телевизор – в кресле сидел отец и смотрел новости. Оказалось, что пока Варя спала, мать позвонила домой и вызвала мужа.

– Я звонила в Жуковский, хотела сообщить его родителям, да их дома нет, – вздохнула мать. – Наверное, на даче. Варечка, а он записки не оставил?

– Я не видела никакой записки, – Варя села и потерла онемевшую щеку. Ну конечно, опять все в крестиках. – Может,

милиция найдет. Он мог сунуть записку в карман...

– А в его вещах ты смотрела? – поинтересовался отец.

– Нет. Они все перерыли и вернули мне. Наверное, если бы нашли что-то, сказали бы.

Мать принесла ей чашку чая и большой кусок остывшего пирога с капустой. Варя откусила один раз и поставила тарелку в сторону:

– Не хочу.

– Ну вот, – расстроилась мать. – Только не вздумай себя голодом морить! Ты не виновата – запомни! Это у него что-то с головой случилось, а ты не виновата! Не вешаются только потому, что жена хочет развестись! Ничего, в милиции разберутся, почему он это сделал! Слушай, а он был трезвый?

– Да оставь ты ее в покое! – неожиданно вмешался отец. – Не видишь – она и так не в себе.

Мать замолчала, взяла пульт и сделала звук погромче. Они с отцом смотрели вечерние новости, а Варя молча пила чай. «Не виновата». Эти слова она повторяла про себя весь день – и в вагоне, и в отделении милиции, где составляли протокол. И потом, когда вышла из отделения с двумя сумками и уселась на первую попавшуюся лавочку. Варя испытала смутное раздражение из-за того, что теперь весь багаж придется тащить ей. Муж от этой обязанности отстранился – впрочем, как и от всех остальных обязанностей. По прибытии в Москву он сам приобрел свойства клады – безмолвие,

тяжесть, безразличие к тому, что будет с ним дальше. Женщина просидела на вокзале больше часа, будто ожидая поезда. Поезда, действительно, уходили один за другим. Рядом с Варей то и дело останавливались пассажиры. Раздавался голос в динамике, объявлявший номера поездов и правила поведения на перроне. Варя приглядывалась и прислушивалась ко всему этому со странным интересом – будто смотрела фильм, не участвуя в нем. И твердила про себя: «Я не виновата, он сам решил умереть». Но совсем не верила этим словам.

Там, на вокзале, ей удалось, в конце-концов, вспомнить, что она сказала мужу в последний раз утром в гостинице. «Ты помнишь, что в Москве мы сразу разводимся?» – спросила она. Что-то в этом роде. И не дала ему ответить... А ведь он хотел что-то сказать. Но неужели ее слова, которые он и раньше слышал не раз, произвели такое впечатление? Да нет, не может быть! Андрей хорошо ее изучил за те годы, которые они прожили вместе. Он знал, должен был знать, что ее с легкостью можно переубедить. Этот недостаток она в себе ненавидела – но так и не научилась по-настоящему отстаивать свои решения. Это все знали. И ее родители, которые считали, что у дочери золотой, бесконфликтный характер. И Кристина – она объясняла эту Варину черту особенностями гороскопа: «Ты – Весы, а Весы все такие – сами не знают, чего хотят». Если муж не хотел разводиться, то попытался бы ее отговорить. И это бы у него получилось. Он должен

был это знать. Это не причина, чтобы запереться в туалете, обмотать ремень вокруг оконной ручки и затянуть на шее петлю...

Варя вздрогнула – так живо она представила эту сцену. Как будто стояла рядом и видела все это. Это было страшно, недоступно ее пониманию, противоестественно! И ее мучила какая-то деталь – в этой сцене было что-то, чего она никак не могла себе представить. И все-таки видела это. Не в воображении, а наяву. Когда заглянула в туалет...

– Варечка, может, еще чаю? – Оказывается, рядом с ней давно стояла мать. Варя подняла голову, встретила ее тревожный взгляд.

– Нет, спасибо, – пробормотала она. – Знаешь, я все-таки хочу посмотреть его вещи.

Собственно, она хотела сделать это в одиночестве, уйдя в другую комнату. Но не успела ничего сказать – отец принес в комнату обе сумки и поставил их возле дивана. Родители принялись вынимать из сумок вещи. Варя только давала указания и лично осматривала каждую тряпку, каждый пакетик. Свою сумку она сразу отставила в сторону. Мать, как будто, удивило, что она упаковала вещи мужа отдельно, но она только бегло взглянула на Варю и ничего не сказала. «Никто не верит, что я приняла решение развестись, – поняла Варя.

– Особенно мама. Думает, наверное, что я дурую маялась. Конечно, со стороны невозможно судить. Спрашивается, с чего бы я вдруг решилась на развод? Андрей стабильно за-

рабатывал, не пил. И в тот вечер тоже был трезвый – я видела, как он шагает по коридору. Я уверена – он ни капли не выпил. Да и денег у него почти не оставалось... Он ни разу за десять лет руки на меня не поднял. Любовниц тоже, кажется, не заводил, хотя тут приходится опираться только на его слова. Во всяком случае, я ничего не знаю, а это все равно, что ничего и не было. С моими родителями он всегда ладил. По-своему ладил – сдержанно, без панибратства. Ну а то, что стал слишком часто отмалчиваться... Так ведь это тоже можно считать достоинством! Многие женщины так и представляют себе настоящих мужиков – молчаливыми, сдержанными... Но только он таким раньше не был. Мне лучше знать. Я уверена – что-то с ним произошло. А если он не хотел мне говорить – значит, я стала ему чужой... Ну, как я могла объяснить это в милиции?»

Впрочем, там ее об этом не спрашивали. Протокол занял полторы страницы. Прежде чем подписать его, Варя внимательно прочитала текст. Был сделан явный упор на то, что она, Кузмина Варвара Александровна, во время отпуска в Санкт-Петербурге предупредила мужа, Кузмина Андрея Петровича, что подаст на развод по приезду в Москву. Правда, не упоминалось прямо, что Андрей повесился по этой причине... Но это подразумевалось. Варя и сама не смогла бы назвать другой причины. Но и эту принять было невозможно. Она поставила подпись, не задавая вопросов, не протестуя – как делала все, после того как увидела труп мужа.

С этого момента ей многое стало безразлично.

На свет были извлечены аккуратно сложенные рубашки Андрея – три грязные, две чистые. Несколько маек. Шорты, которые он в каком-то кафе облил капуччино. Варя хотела их застирать, когда они вечером вернулись в гостиничный номер, но почему-то не сделала этого. Ей смутно вспомнилось, что как будто они опять выясняли отношения. Значит, стирка была исключена, и оставшиеся дни Андрей догуливал с пятном на правой штанине. Мама с удивлением рассматривала пластиковый лоток с питанием:

– А это что?

Варя объяснила, что это выдавали в поезде, и мать изумилась окончательно:

– Как в самолете стало! Господи, там же ехать всего восемь часов! Неужели все такие голодные?

– Думаю, что мало кто это ест, – заметила Варя. – Кстати, в моей сумке такой же лоток. Я тоже ничего не ела. А этот – Андрея.

Мать унесла еду на кухню. Пока она разбирала продукты и укладывала их в холодильник, отец пристально смотрел на Варю, будто ожидая, что она ему что-то скажет. Она не выдержала этого взгляда:

– Ты что, пап? Тоже меня обвиняешь?

– А кто еще тебя обвиняет? – вопросом ответил он. Варя осеклась. В самом деле, никто ее не обвинял. Она сама себя терзала.

– Ты, правда, перестала с ним разговаривать? – спросил отец.

– Да. Вчера утром перемолвились парой слов, и все.

– И днем больше не виделись?

Варя с досадой отбросила упавшие на глаза волосы, как будто они были во всем виноваты:

– Знаешь, папа, мне ничуть не хотелось его видеть! Мы уже не могли друг друга выносить. Если бы мы в последний день не расставались, еще неизвестно, может, это я бы покончила с собой.

Она напоролась на его осуждающий взгляд и это, как всегда, заставило ее замолчать. Варя опустила голову и выбросила из мужниной сумки все, что там оставалось – пакет с бельем и носками, шлепанцы, несколько носовых платков, две обертки от фотопленки «Кодак». И два черных футлярика с отснятыми кассетами. Больше там ничего не было – на дне болталась мелочь, выпавшая из карманов, да еще завалялся в угол помазок для бритья. Варя порылась в карманах сумки, извлекла оттуда гостиничный проспект, связку ключей от собственной квартиры и маленькую клизму. Появление этого предмета удивило отца. Варя улыбнулась, поймав его взгляд:

– Он ею чистил объектив фотоаппарата. Направлял на линзу наконечник и продувал. Протирать нельзя, можно что-то там стереть. Он мне объяснял, но я уже не помню точно.

Из кухни вернулась мать. Она протянула Варе сложенную

розовую салфеточку:

– Варь, посмотри, тебе это нужно? А то я выброшу.

Варя взяла бумажную салфетку, развернула и увидела несколько цифр, нацарапанных карандашом. Если точнее – семь цифр. И их писала не она.

– Где ты это взяла? – спросила она, продолжая вглядываться в эти, ничего ей не говорящие цифры. Варя обратила внимание, что салфетка в нескольких местах была прорвана. Тот, кто это писал, или торопился, или нервничал. Цифры размашистые, большие, разной величины.

– В лотке. Там же, кроме всего прочего, еще и салфетки, и зубочистки, – сообщила та уже не Варе, а мужу. – Говорю же – прямо, как в Аэрофлоте. Ну что? Выбросить?

Варя аккуратно сложила салфетку и покачала головой:

– Нет, я оставлю. Мам, а в чьем лотке это было? В Андреевом?

Мать как будто рассердилась:

– Там же не написано, чьи они. Все одинаково. Ты ела что-нибудь? Может, чай или кофе пила?

– Нет.

– Ну, так как же я определяю твой лоток? Там всего поровну.

Варя встала и отправилась на кухню. Мать была права – оба лотка были совершенно нетронуты. Но со своего Варя сняла наклейку, которым он был запечатан. Когда выдали питание, она заинтересовалась, что там, в лотке. А Андрей

даже не снимал наклейки. Однако бумажная салфетка явно была извлечена из его лотка.

– Варя, в чем дело? – сзади подошел отец. – Там записан чей-то телефон?

– Телефон? – обернулась она.

«Что значит, взгляд со стороны... – Варя опять развернула салфетку и взглянула на цифры. – А я-то даже не подумала, что это такое... В самом деле, похоже на московский телефон. Семь цифр. Правда, написаны они не в строчку, это меня и сбilo с толку... А если их прочесть, как телефонный номер, то получится – 279-58-31».

– Это Андрей написал? В поезде? – допытывался отец. Он взял у дочери салфетку, перечитал телефон и вышел. Вернулся через минуту со справочником в руках:

– Давай посмотрим, к какому району относится номер. Вот... Автозаводская-Южный речной порт. У тебя есть знакомые в том районе?

– Нет, – она была слегка ошарашена его напором. – Впрочем, сейчас не соображу. А мне-то показалось, что это кто-то что-то подсчитывал. Расходы, например.

– Разве у вас этим Андрей занимался? – вмешалась мать. Она тоже втиснулась на кухню, и Варя оказалась в буквальном смысле слова приперта к стенке. Ей пришлось признать, что расходы подсчитывала всегда она – если была охота этим заниматься. Как ни подсчитывай, все равно, на многое не хватало. Тем более что в последнее время они старались эконо-

номить. Копили на ремонт дачи, но Андрей все время откладывал это мероприятие. В результате все сбережения ушли на поездку. Ей в голову вдруг пришла абсурдная мысль – если бы они никуда не поехали, Андрей сейчас был бы жив.

– Это он написал, – уверенно сказал отец. – В поезде, я думаю.

– Может быть, – согласилась Варя. – Ну и что?

– Нужно позвонить по этому телефону.

– Зачем? – удивилась она. – Какой в этом смысл, папа? Что ты хочешь выяснить?

– Я думаю, он познакомился с кем-то из попутчиков по купе, – объяснил отец. – Записал его телефон. Тот человек может что-то знать... Варя, ты-то сама разве не хочешь узнать, почему твой муж повесился? Ты с ним говорить не желала, так может, он разговорился с кем-то другим? Знаешь, как бывает в поезде? Чужие люди выкладывают друг другу такое, чего родным дома ни за что не скажут.

– Только не в этом поезде! – возразила Варя. – Там нет смысла знакомиться. Добрый вечер, доброе утро – это все, что там можно услышать.

Мать ее полностью поддержала:

– Да ты что, Саша, чужим людям звонить! Как-то неудобно! Ну, что ты им скажешь? Так мол и так – зять с собой покончил, не знаете ли чего интересного про это дело? Варя, он же сам с собой покончил? Никто его не убивал? Что милиция говорит?

Варя рассказала про запертую дверь туалета, про задра-
енное окно, про то, что на ручку двери изнутри был надет
фиксатор.

— Проводница даже ключ в замке повернуть не смогла из-
за этого фиксатора, — добавила она. — И вряд ли кто-то зашел
с ним в туалет, а потом выскочил в окно. Поезд делал только
одну остановку — в Бологом и все время шел очень быстро.
Такой прыжок на ходу — верное увечье. И если бы вы видели,
как он висел на оконной ручке! — У нее внезапно сел голос, и
она закончила почти неслышно. — Окно тоже было закрыто
— с самого начала. Он был в туалете один. Он сам, сам это
сделал!

И запнулась. Перед ней опять возникла картина — спина
Андрея, кожаный ремень, болтающийся возле его бедра, от-
ражение его искаженного лица в зеркале... И фотоаппарат в
мокром умывальнике. Фотоаппарат, над которым муж тряс-
ся, за который полтора года назад выложил немалые для их
бюджета деньги — почти триста долларов. Андрей давно меч-
тал о нем. Сама Варя тоже немножко фотографировала — ко-
нечно, профессионалом, как муж, она не была. Ей тоже хо-
телось попробовать что-то снять новым фотоаппаратом, но
Андрей так изменился в лице, когда она открыла объектив,
что Варя даже обиделась. И вернула ему «Никон» со слова-
ми, что никогда к нему больше не притронется. Муж изви-
нялся за свое недоверие, однако Варя обиделась прочно и
свое слово сдержала. С тех пор она стала единоличной хозяй-

кой простенькой старой «мыльницы». И в Питере сняла одну пленку. Андрей тоже фотографировал. Когда он занимался этим, то был счастлив. Похоже, в последнее время съемка являлась для него единственным источником радости. А там, в туалете... Священный для Андрея аппарат фирмы «Никон» валялся в раковине. Даже без футляра – без малейшей защиты от царапин, ударов, от капель воды. Она не сразу поняла, как дико это выглядит – в тот миг ей было не до того. Но теперь...

– Я все-таки позвоню, – решил отец. – Ничего страшного не случится. А в милиции эту салфетку видели?

Не получив вразумительного ответа – Варя его слушала вполуха – отец вышел в коридор, к телефону. Мать побежала за ним, на ходу отговаривая от этого «неприличного» шага. Она вернулась через минуту, сжимая ладонями виски:

– Дозвонился, разговаривает. Ох, и упрямый же он... Варь, Андрей ведь не такой был?

– Да как сказать, – ответила та, глядя в окно. Там было уже темно, и она не видела в черном стекле ничего, кроме своего собственного лица. – Я его совсем не понимала. Теперь мне так кажется...

Мимо ее ног проскользнула Кришна. Она направлялась к своей миске. Кроме сухого корма там ничего не было. Кошка начала скрести лапой линолеум – так она выражала свое недовольство. Вошедшая следом сестра полностью ее поддержала. Варя достала из холодильника пакет молока, нали-

ла в другую миску и поставила возле плиты. Вишну понюхала молоко, лизнула, отряхнула лапы – все четыре по очереди – и с оскорбленным видом удалилась. Мать вздохнула:

– Избалованные они у тебя, ничего кроме мяса, не едят. Даже консервы не трогают – у меня две банки из-за них пропало.

– Ничего, к утру проголодаются, вылакают молоко. – Варя присела к столу. – А вы что – остаетесь ночевать?

– Вообще-то, мы собирались остаться, – осторожно сказала мать. – Поддержать тебя. Ты в таком состоянии...

– А в каком я состоянии? – возразила Варя. – Я неплохо себя чувствую. Ты не обижайся, мама, но мне хотелось бы побыть одной... Я должна подумать...

Мать не успела ей ответить – в дверь заглянул отец. Он был явно раздосадован. Не сказав ни слова, положил на холодильник розовую салфеточку, а в ответ на Варин вопросительный взгляд только пожал плечами. Мать язвительно обратилась к нему:

– Ну что, добился своего? Поговорил?

– Да, глупо вышло, – признался он. – Я спросил, может, кто-нибудь ехал сегодня ночью из Питера в Москву. Может, надо было начать не так... Не знаю. Мне ответили, что это ошибка. Я им назвал фамилию, имя Андрея – они такого не знают. Сперва со мной женщина говорила, потом отдала трубку мужчине. Наверное, мужу. Тот меня в конце-концов чуть не послал...

– О господи! – вздохнула мать. – Говорила же я тебе – это неприлично!

– Не в приличиях дело, – отрезал отец. – Просто надо сообщить этот телефон милиции. Там с ними по-другому поговорят.

Они вместе выпили чаю. Варя замечала, что родители то и дело пытаются заглянуть ей в глаза. Наверное, чтобы убедиться, что она держит себя в руках и не отчаивается. Она сама себе удивлялась. Никаких следов того панического страха, который она испытала в поезде, в опустевшем вагоне. Ничего, похожего на безутешное горе. «Разве так я должна была себя вести, если бы еще любила его? – спрашивала себя женщина и не находила ответа. – Странно. В самом деле, странно... Я, наверное, должна плакать... А мне просто снова хочется спать. И еще принять горячую ванну. Ноги болят ужасно, и плечи немеют после сумок. И голова тяжелая. Но ведь все это не имеет отношения к горю! Я ничего не чувствую!»

– Ну что, Саша, уже одиннадцать, – мать взглянула на часы. – Давай собираться.

Отец, по-видимому, обрадовался, что не придется ночевать в гостях. Варя прекрасно знала, какой он домосед. На чужих подушках ему не спалось. Он всю ночь вздыхал, ворочался, бесконечно выходил на балкон курить и в результате не высыпался не только он, но и все окружающие. На прощание мать попросила Варю еще раз позвонить родителям Андрея. Вдруг они уже вернулись с дачи? Варя пообещала сде-

лать это немедленно. Она заперла за ними дверь, почистила ванну, пустила в нее сильную струю горячей воды. Следовало торопиться, потому что после полуночи горячую воду нередко отключали. Варя прошлась по комнатам, отметила, что мать без нее пыталась навести порядок. Варя никогда не считала себя образцовой хозяйкой. Вещи у нее нередко валялись на стуле или на диване – только раз в три-четыре дня она собиралась с духом и вешала их в шкаф, где им и полагось быть. Варя подумала, что тем вещам, которые сегодня выбросили из сумок, предстоит еще долго валяться на диване. Кошки будут на них спать, и в результате почти все потом придется чистить и стирать... А в ближайшее время у нее будет масса других дел. Связанных с похоронами, скорее всего... Варя раскрыла шкаф и принялась сортировать вещи на чистые и грязные. За этим занятием ее и застал телефонный звонок.

«Наверняка, Кристина, – с досадой подумала она. – Хочет узнать, помирились мы или нет. О, и времечко ее любимое! Пока она будет болтать, отключат горячую воду... И ведь придется ей все рассказать, а тогда она не повесит трубку до утра...» Варя решила не подходить к телефону. Повесила вещи в шкаф, плотно прикрыла дверцы, чтобы кошки туда не забрались. И пошла в ванну.

Второй раз телефон зазвонил, когда она лежала по уши в воде и взбивала пену. Варя рассердилась: «Точно, Кристина! Сколько раз я хотела поставить автоответчик! Вот бы она

разозлилась, если бы пришлось „оставлять сообщение после длинного гудка“! Она включила душ. Вода уже шла еле теплая – она успела вовремя. Завернулась в мохнатую простыню, обмотала голову полотенцем и отправилась стелить постель. Она засыпала на ходу, и у нее уже не было сил искать фен и сушить волосы.

Варя выключила свет и легла. Через минуту в ногах у нее устроились кошки. Было тяжело, жарко и неудобно. Варя согнала их, но кошки, едва оказавшись на полу, тут же полезли обратно. Подушка стала влажной. Наверное, все-таки стоило высушить волосы, прежде чем ложиться. Варя полежала еще минуту и с раздражением поняла, что уже не уснет. Дернула шнурок ночника и немного полежала при его зеленом свете, глядя в потолок. Было непривычно тихо. Только сейчас, лежа на слишком широкой для нее одной кровати, она поняла, что в самом деле, осталась совершенно одна. Одна в квартире. Такого она еще не испытывала. За годы брака она ни разу не расставалась с мужем надолго. Разве что один раз, когда попала в больницу с аппендицитом. Но и там она была не одинока, рядом были соседки по палате. Иногда она ездила на дачу без Андрея, но там обычно был кто-то еще. Его родители, например. А до замужества? Тогда она жила с отцом и мамой. В сущности, еще никогда в жизни она не оставалась ночью в одиночестве. И сейчас от звенящей, пронзительной тишины становилось как-то не по себе.

Шумно, почти по-человечески, вздохнула одна из кошек.

Варе стало легче от этого домашнего, смешного звука. И тут опять зазвонил телефон. Теперь она обрадовалась. Весьма кстати будет немного поговорить с Кристиной. Ей все равно не спится, а та – известная полуночница. Наверное, уложила детей и жаждет общения.

Поднимая трубку, Варя уже снимала с полки аппарат. Она хотела унести телефон в постель, чтобы устроиться с удобствами. Однако голос, который она услышала, Кристине не принадлежал. Но это был и не мужчина. То, что Варя услышала в трубке, было больше всего похоже на лепет ребенка – или того, кто пытался подделаться под ребенка.

– Слушаю, – резко сказала она, – слушаю, говорите.

– А т-ты что – одна-а? – пролепетал голосок. Он произнес «адна-а», нарочито «акая». Варя повесила трубку. Выругала себя за глупость – ну что она так расстроилась! Обычное телефонное хулиганство. Кому-то не спится. Кто-то набирает номера наугад и будит среди ночи людей. Даже напугать как следует не умеет – мозгов не хватает. Болтает что попало...

Она твердила это про себя, отключая телефон и забираясь в постель. И не хотела признаться, что на самом деле, голосок ее напугал. Ужасно противный голосок! В нем была злоба – это она расслышала, независимо от дурацких слов, которые этот голос произносил. И самое неприятное, что голосок заговорил о том, о чем она только что думала. О том, что ее пугало. Она, действительно, была одна.

Теперь Варя не прогоняла кошек. Она взяла Кришну

на руки и принялась почесывать ей загривок. «Какая мерзость, – повторяла она про себя. – Хулиганство. Я никогда так не шутила, даже в самом глупом возрасте». Ей вспомнилось, как в шестом классе она влюбилась в одноклассника. Окольными путями узнала его телефон и звонила ему несколько раз за вечер. Ничего не говорила – просто молчала в трубку. Слушала, как он повторяет «алло». Это ему не надоедало. Он мог твердить свое «алло» минуту или больше, пока она не бросала трубку. Конечно, он догадывался, что звонят именно ему, что это какая-то девчонка в него влюбилась. Конечно, это ему льстило. Поэтому он и не клал трубку первым. А она попала в порочный круг. Если бы она теперь позвонила ему и решила что-то сказать, он бы сразу догадался, что именно Варя раньше молчала в трубку. И она бы умерла от стыда. Теперь она не могла вспомнить даже фамилии того мальчика, его лицо превратилось в смутное пятно... Но острое чувство стыда со временем не сгладилось.

А тому, кто звонил ей, наверное, стыд был неведом. Варя попыталась вспомнить – бывали ли такие звонки раньше, до отъезда в Питер? Нет, она бы помнила. Обязательно пожаловалась бы мужу. «Это случайность! – твердо сказала она себе. – Никто, кроме родителей, не может знать, что я одна дома. Никто и не знает. И этот мальчишка тоже. Он сказал так, чтобы меня напугать, паскудник...»

Спать окончательно расхотелось. Зато она ощутила голод. Неудивительно – вчера в Питере Варя почти ничего не ела,

если не считать пакетика арахиса и пива, выпитого в Летнем саду. Она рассчитывала поест в поезде, но и там не пришлось. А сегодня только откусила от пирога... Варя отправилась на кухню, поставила чайник, достала из холодильника тарелку с пирогом. Обратила внимание на то, что мать аккуратно разобрала и разложила на полках содержимое лотков. Две микроскопические упаковки масла, два сырка, две упаковки копченой колбасы... Два пирожных с повидлом – Варя их всю жизнь ненавидела, вообще не ела ни повидла, ни варенья. Пакетики с чаем, кофе и сахаром лежали на столе. Тут же – зубочистки и желтые салфетки, которые прилагались к питанию. Салфетки...

Варя вскочила, пошарила на холодильнике, достала розовую салфетку, на которой были записаны цифры. Розовую салфетку. Розовую, а не желтую. Если бы она была внимательней, она бы сразу заметила, что салфетка очень отличалась от тех, которые лежали в лотках. Варя быстро пересчитала их. Ровно четыре. Две – из ее лотка, две – из мужниного. Пятая, розовая, была явно лишней. «Молодец у меня папа, куда до него лейтенанту Коломбо! Такой простой вещи не заметил! Сразу бросился звонить!» – подумала она, снова усаживаясь за стол и принимаясь за пирог. Салфетки лежали у нее перед глазами – она разложила их на столе, как будто это помогало ей думать. Ей в голову пришла еще одна мысль – до этого отец тоже не додумался. Семь цифр, второпях написанных карандашом, могли означать вовсе не московский

номер телефона, а питерский. Там тоже были семизначные номера. Отец вполне мог этого не знать – он был в Питере чуть ли не в студенческую пору своей жизни, знакомых и родственников в этом городе не имел и никогда туда не звонил. Но она-то могла догадаться!

Варя покончила с пирогом, вымыла посуду. Вода, как ни странно, все еще была тепловатая. Кошки, унюхавшие еду, снова были тут как тут и терлись о ее ноги. Но она не обращала внимания на это попрошайничество. Варя напряженно думала. Мать сказала, что достала салфетку из лотка с питанием. Она, конечно, могла перепутать... Затвора нужно будет уточнить. И все-таки, она наверняка сказала правду. Дома у них таких салфеток не было. Они пользовались простыми, белыми. Это было дешевле. Варя точно помнила, что в последний раз купила на оптовом рынке пять упаковок белых салфеток – их распродавали по какой-то ничтожной цене. Андрей таких вещей не покупал. В последнее время он вообще ничего не покупал – обо всем забывал. Даже хлеба никогда не приносил, а ведь обычно это была его обязанность. Из-за этого они тоже ссорились. Впрочем, в последнее время они ссорились из-за всего. Нет, эту салфетку он привез из Питера. Наверное, взял в каком-то кафе. А почему она оказалась в лотке? Да еще в запечатанном?

Варя закрыла кран и принялась искать пустые лотки. Нашла их под раковиной, рядом с мусорным ведром. Свой узнала сразу – по липкой бумажке, припечатанной ей самой

на крышку лотка. Она осмотрела лоток, принадлежавший мужу. Несколько раз приклеила и отклеила бумажку, пытаюсь восстановить первоначальный вид. И убедилась – это совсем нетрудно сделать. Отодрать ее наполовину, открыть лоток, вложить салфетку, снова заклеить... Сложится полное впечатление, что лоток вообще не открывали. Подумаешь – сейф! Но зачем он это сделал, если сделал вообще?

Кошки, наверное, с отчаяния, полезли в мусорное ведро. Варя отпихнула их и закрыла дверцу под раковиной. Выругала привередливых животных, открыла для них банку кошачьих консервов и вывалила содержимое в миску:

– Лопайте! А если не нравится – худейте! Вам не помешает, скоро под вами пол начнет прогибаться!

Она еще раз проверила, заперта ли входная дверь. Для надежности накинула цепочку, которой обычно не пользовалась. Но теперь она была одна. Женщина вспомнила, что не сдержала данного матери обещания – не позвонила родителям Андрея. Но в такой час они, наверное, все равно спят. Пусть спокойно поспят еще одну ночь. Завтра... Завтра для них все станет иным. Варя легла в постель, поворочалась еще полчаса и наконец уснула.

* * *

Крокодила не продали – она убедилась в этом, едва переступив порог зоомагазина. Гена лежал на своем законном

месте, в террариуме, высунув кончик носа из налитой на дно водички. Казалось, он целиком сосредоточился на йогогическом упражнении, выбрав в качестве объекта медитации лампочку, горящую под стеклянным потолком его узилища. В других внешних впечатлениях крокодил не нуждался – видимо, его полностью удовлетворял свой богатый внутренний мир. Сотрудницы приветствовали Варю радостными возгласами:

– Наконец-то приехала! Твой обормот заждался, даже похудел!

Варя зашла в подсобку, накинула свой рабочий голубой фартук. Поздоровалась с выглянувшей в коридор заведующей.

– Ну как Питер? – поинтересовалась та. – Еще стоит?

Тот же самый вопрос ей задавали в то утро все. Варя устала на него отвечать и про себя удивлялась – почему всех интересует, стоит ли Питер? А что ему еще остается делать? Прилечь? С утра покупателей было немного. Она продала «строгий» ошейник владельцу миттель-шнауцера, вычистила клетку бурохвостому жако. Попугай приветствовал ее взмахом когтистой лапы и невнятным бормотанием. Под клеткой, на бирке с ценой, значилось: «Очень умный, разговаривает.» Возможно, попугай, действительно, обладал острым аналитическим умом. Только пока не имел возможности его проявить. Насчет же разговоров – это была наглая, коммерческая ложь. Жако не говорил. Во всяком случае, Ва-

ря не слышала от него ни слова, а ведь клетка висела у нее над головой больше месяца.

Она насыпала корм белым мышам. У них в аквариуме происходила обычная бестолковая толкотня. Рядом, в «отдельной квартире», дремал голубой крыс Сёма. Вот это в самом деле было умное, ласковое существо. Но Варя грызунов не любила. Может, потому что они весь день были у нее под носом, обоняние страдало больше всего. Она работала сосредоточенно. На вопросы о проведенном отпуске отвечала односложно. Ее заботила одна проблема – говорить ли коллегам, что случилось с ее мужем? Коллектив был в основном женский, и на нее, конечно, обрушилась бы лавина соболезнований... А этого она не хотела. «И все-таки придется сказать, – подумала она. – Нужно будет взять отгул, для похорон. Господи, кто же позвонит его родителям? Надеюсь, все-таки мама... Не знаю, что я им скажу. Они точно решат, что Андрей повесился из-за меня. Мне не оправдаться».

Дошла очередь до крокодила. Варя даже волновалась немного, когда снимала крышку с террариума. У Гены был суровый, сдержанный характер, но она все-таки надеялась, что крокодил ее узнает и как-то проявит свою радость. Но он лежал неподвижно, как чучело. Террариум явно никто не чистил. Это была ее работа.

Варя провела обычные маневры – сделала отвлекающее движение, набросив полотенце на глаза крокодилу. Запустила обе руки в террариум, схватила крокодила за хвост и за

шею, рывком подняла... Теперь нужно было быстро опустить его в другой террариум и накрыть стеклом. Обычно во время этой процедуры Гена страшно злился и мечтал ее сожрать. Неудивительно – ведь он так оберегал свободу своей личности... Все решали секунды – нельзя было дать ему опомниться...

– Мамочки! – крикнул кто-то прямо у нее над ухом. Варя от неожиданности вздрогнула, пальцы не удержали скользкого крокодила... Он шлепнулся на цементный пол и с неожиданной быстротой исчез за сложенными у стены ящиками. Теперь кричали все – и продавщицы, увидевшие, что стряслось, и немногочисленные покупатели. Варя в ярости обернулась и увидела Кристину. Та стояла по другую сторону прилавка, отчаянно жестикулируя и вскрикивая:

– Мама, я чуть не умерла!

– Да заткнись ты! – рывкнула на нее Варя. – Ты что под руку визжишь! Напугала и меня, и животное! Может, ты его будешь ловить? Тогда вперед, я тебе уступаю!

Покупатели бросились вон из магазина.

– Закройте дверь! – крикнула Варя. – И в подсобку тоже! Он сбежит!

Кристина с неожиданной ловкостью запрыгнула на прилавок и уселась среди рассыпанного канареечного семени, поджимая ноги. Губы у нее дрожали:

– Мамочки, никогда такого не видела... Прямо как в цирке... Варька, неужели ты будешь его ловить?!

Та не ответила. Из подсобки был призван грузчик. Его не обрадовало известие, что нужно ловить крокодила, но выхода не было. Он принялся отодвигать от стены ящики. Варя стояла наготове с полотенцем. Кто-то совал ей швабру – прижать Гене шею. Но она зло ответила:

– И сломать ему позвоночник? Это же нежное животное, молодое!

Нежное молодое животное лежало у стены и огрызалось, показывая кривые желтые зубы. Первый раз ему удалось сбросить с морды полотенце. Во второй раз Варя его опередила. Она вцепилась в него – он к тому времени немного просох и больше не скользил. Опустила в чистый террариум. И с облегчением задвинула крышку:

– Все... А кормить буду, когда он успокоится.

Террариум вернули на место – тут очень пригодилась мужская сила. Мало-помалу все успокоились. В магазине снова показались покупатели. И только теперь Варя обратила внимание на подругу. Та к тому времени слезла с прилавка и теперь отряхивала юбку.

– Ну в чем дело? – неприветливо спросила Варя.

– Извини, – обиженно ответила та. – Я же не знала, что ты его уронишь. Я только зашла спросить, как вы отдохнули?

– Исключительно, – ответила Варя, поглядывая на других продавщиц.

– Ты передумала разводиться?

– Еще бы. Теперь в этом нет никакого смысла. Если дашь

слово, что не будешь визжать, я тебе все скажу.

– И Варя сделала знак, чтобы подруга нагнулась. Шепнула ей на ухо: – Андрей умер. Повесился. Только тихо, пожалуйста, тихо! Я не хочу, чтобы они знали.

Кристина выпрямилась и как-то странно посмотрела на нее. И сказала то, чего Варя уж никак не думала услышать.

– А ведь я этого ждала, – слегка кивая в такт своим словам, произнесла подруга. – Я так и думала, что он этим кончит. По нему уже было видно. Потому я и просила тебя – увези его отсюда...

– Ты не говорила – увези... – возразила ошеломленная ее реакцией Варя, но та ее остановила:

– Может, и не говорила. Но смысл был такой.

Глава 3

Зоомагазин работал без обеденного перерыва. Продавщицы просто подменяли друг друга на полчаса, чтобы сбегать в чебуречную. Магазин помещался возле продовольственного рынка. Место было бойкое, покупателей – хоть отбавляй. Начинался час пик. В магазин вернулись даже те, кто сбежал от крокодила. Их влекло сюда любопытство, ну и конечно, необходимость сделать покупки. Кристина, убедившись, что поговорить не удастся – у прилавка толпилось все больше покупателей, сказала, что зайдет за подругой к концу рабочего дня. Им нужно серьезно поговорить.

– Лучше поезжай прямо ко мне домой, – отозвалась замороченная Варя. – Там будет мама, она обещала приехать. Дождись меня там.

– Но я не хочу разговаривать при маме, – возмутилась Кристина. – Ты, Варька, просто не понимаешь, какая идиотская ситуация сложилась... Я просто не знаю, что делать.

– Опять новый обожатель? – невнимательно спросила Варя. Она в этот момент занималась делом, требующим сосредоточенности – отсчитывала в микроскопический кулечек кошачьи витамины, продававшиеся поштучно.

– Да нет, это насчет Андрея...

– Ну тогда дождись меня напротив, в чебуречной. Кристина ушла. Варя занялась очередным покупателем, попутно

прикидывая, что такое может сообщить ее подруга о муже? Кому, как не Варе, было знать, что Андрей Кристину выносил с трудом. Стало быть, не откровенничал с ней. А кроме как в гостях у Вари, Кристина с Андреем нигде не пересекались. «Делать ей нечего, – раздраженно подумала женщина. – Хочется посплетничать. Отнимет у меня час, не меньше... А надо готовиться к похоронам. Где денег взять? Мы в Питере так издержались... Придется просить у родителей. Наверное, его родители тоже что-то дадут... Ох, как неудобно все это получается! Со стороны похоже, что я их сына в гроб свела, да еще и денег на похороны прошу!»

Обедать она не пошла, попросив одну из продавщиц, отправляющихся в чебуречную, принести ей оттуда стаканчик кофе. Несмотря на невзрачную пластиковую посуду, кофе там варили недурной. Потом Варя разрезала на четыре части сырую курицу и занялась кормлением крокодила. Это требовало большой осторожности. Неподвижность Гены была очень обманчива – сегодня в этом многие убедились... Крокодил мог схватить не только курицу, но и пальцы, протягивающие пищу. Поэтому Варя вооружилась большим пинцетом. Сдвинула стекло и начала просовывать вовнутрь куски курицы. Эта процедура всегда вызывала огромный интерес у покупателей, независимо от возраста. Особенно волновались дети. Варя в этот миг ощущала себя чуть не дрессировщицей на цирковой арене. За несколько минут курица исчезла целиком. Гена попытался схватить опустевший пенцет, но

это ему не удалось. И как только стекло задвинули на место, он снова утонул в мелкой воде, с оцепенелым, безразличным выражением на морде.

– Сколько стоит? – обратился к Варе мужчина в спортивном костюме, внимательно наблюдавший за кормлением крокодила.

– А что именно? – поинтересовалась Варя.

– Да крокодил!

Она обнаружила, что забыла вывесить ценник. Прикрепила его к террариуму, и мужчина удивился:

– Всего-то полторы тысячи? А что... Я бы взял. – И он достал из кармана пухлое портмоне.

Варя разволновалась. Впервые кто-то выразил желание купить крокодила. До этого к нему относились, как к детали интерьера.

– Вы в самом деле хотите его купить? – недоверчиво спросила она, хотя уже видела деньги – три бумажки по пятьсот рублей.

– Ну да. Только как бы его унести... Мне только до машины.

– А вы знаете, как с ним обращаться? – еще больше всполошилась Варя. – Животное опасно... И в то же время, оно довольно хрупкое... Если террариум у вас тесный, и вы перельете воды – он может просто захлебнуться во сне!

– Да ничего, присмотрим за ним, – пообещал мужчина. – Я ему бассейн подарю. У жены как раз рыбы сдохли, а бас-

сейн остался. Запустим туда крокодила. Хохоту будет!

Варя с тяжелым сердцем принялась упаковывать Гену. Ей не хотелось его продавать – если бы кто-то ей такое сказал, она бы удивилась... «Как-то с ним еще будут обращаться, – думала она, засаживая Гену в плотный холщовый мешок. Крокодил сопротивлялся, но весьма слабо. После кормления он становился сонным. Она дала новому хозяину Гены несколько советов и попросила обращаться к ней, если возникнут трудности. Тот унес мешок, и продавщицы, дождавшись его ухода, захлопали в ладоши:

– Слава тебе, господи! Избавились, наконец! Чуть не в убыток себе!

– Варь, ты рада? – окликнула ее женщина из-за соседнего прилавка. – И подумать только – он сегодня пытался удрать! Будто знал, что его продадут!

«Да уж, знаменательный день, – думала Варя, начиная прибираться в террариуме. – А вдруг это Чижик-Пыжик наколдовал? Как-никак, я ему дала пять копеек... Правда, что это за удача! В самом деле, пятикопеечная какая-то...»

Ближе к концу рабочего дня она позвонила домой, рассчитывая застать там мать. Но в трубке раздавались частые гудки. Варя выругала себя – сегодня утром, убегая на работу, она забыла подключить телефон! А мать, наверное, не догадалась это сделать. Да ей и не до этого. Она обещала Варе начать закупки всего необходимого для поминок.

День показался ей бесконечным. Она отвыкла стоять за

прилавком, и ей все еще казалось, что нужно куда-то идти, что-то снимать... «Кстати, нужно отдать на проявку наши пленки, — подумала она. — У меня отснята одна, у Андрея две... Хотя нет, он заряжал еще и третью. Интересно, доснял он ее в последний день или нет? Она осталась в его фотоаппарате. Правда, фотоаппарат обещали вернуть, но пленку, наверное, засветят...»

Кристина ждала ее в условленном месте, брезгливо отодвинувшись от какого-то опустившегося типа, который меланхолично жевал рядом с ней чебурек. Увидев подругу, женщина вскочила:

— Только не здесь. Пойдем ко мне, это же рядом!

— Но меня мать ждет...

— Полчасика подождет. Это слишком важно.

Конечно, насчет «полчасика» Кристина, как всегда, поскромничала. Сперва ей нужно было купить молоко. Потом выяснилось, что у нее кончились сигареты. Варя бегала за ней, злая и усталая, но уйти уже не могла. Подруге удалось ее заинтриговать, тем более что та наотрез отказывалась говорить на улице, объясняя это тем, что может второпях забыть что-то важное. Наконец, они добрались до ее квартиры, где Варю ждало привычное зрелище — сладкая жизнь беспризорных детей.

Семилетний Гриша смотрел телевизор. Четырехлетний Ванька дьявольски орал. Он был голоден. Мать сунула ему бутерброд с колбасой и ребенок, продолжая заливаться сле-

зами, принялся есть. Варя с ужасом смотрела на это бестолковое хозяйство. Для нее оставалось секретом, как Кристина умудряется работать целый день бухгалтером, вести дом, записывать детей по утрам в школу и садик, в разное время забирать их оттуда, да еще заводить какие-то романы. Однако та все это проделывала и еще мечтала завести немецкую овчарку – чтобы дети гуляли с ней во дворе. «Маньяков сейчас куча, а собака их отпугнет», – объясняла она. «С ней же гулять надо! – возражала Варя. – Это тебе не Ванька, который весь день в садике, и не Гриша, который уже в школу пошел и на продленку остается. Собака – вечное дитя, ей присмотр нужен. А не будешь ухаживать за псиной – у нее характер испортится, болеть начнет. Все тебе изгадит, мебель погрызет, да и на детей может кинуться!» Кристина беспечно махала рукой и на время оставляла мечты о собаке.

На кухне она загремела грязными кастрюлями, выудила со дна раковины турку, наскоро ополоснула и поставила вариться кофе. Отрезала себе хлеба и колбасы и начала есть прежде, чем успела сложить из этих кусков бутерброд. Обе руки у нее, таким образом, оказались заняты, и поэтому половина вскипевшего кофе выплеснулась на плиту. Варя едва успела спасти остатки.

– Ага, наливай себе, – одобрила ее действия Кристина. – Я чего-нибудь другого выпью. Есть ликер. Хочешь?

И только усевшись с рюмкой за стол и покончив с колбасой, она заговорила о том, что волновало Варю. Выяснилось,

что когда та две недели назад пришла к ней жаловаться на мужа, Кристина ничего нового не услышала.

– Я-то давно видела, как он изменился, но не хотела тебя расспрашивать, – объяснила она. – Думала, что я буду со-ваться? Он меня и так ненавидит. Ненавидел, то есть... О, боже мой...

И она осушила рюмку, выругав после этого ликер – сладкий, как варенье. От него, чего доброго, поправишься, а она и так набрала пять лишних килограммов... А все потому, что ей никто по дому не помогает – вот и приходится кусочничать. Суп некогда сварить. Варя уже потеряла терпение и хотела попрощаться, но тут Кристина сказала такое, что Варя при всем желании не смогла бы подняться со стула. Ноги знакомо ослабли – такое она испытала в поезде, когда взламывали дверь туалета.

– Андрей сделал огромные долги. Думаю, ты этого не знаешь? – спросила подруга, сочувственно глядя на нее.

– Андрей? – пробормотала Варя. – Да что ты! Он всю зарплату мне отдавал...

– Да при чем тут его зарплата! – оборвала ее Кристина. – Сколько он получал? Две тысячи рублей? Две с половиной? А задолжал, думаю, несколько тысяч долларов! Ты, конечно, не в курсе. Я и сама-то узнала случайно!

Выяснилось, что после Нового года Кристина решила сфотографировать своих сыновей. У нее самой фотоаппарата не было, а если бы и был, то она бы не решилась положить-

ся на свой художественный вкус. Ей хотелось иметь хороший совместный портрет Вани и Гриши. Повод был – старшему только что исполнилось семь лет. А младший сын был сейчас очень хорошеньким – похожим, скорее, на девочку. Кристина подозревала, что эта ангельская красота скоро исчезнет – как исчезла у старшего сына, когда ему миновало пять лет. Нужно было торопиться. Она недолго сомневалась, куда идти фотографироваться. Конечно, к Андрею! Все-таки муж лучшей подруги. Постарается, не пожалеет сил и времени для ее детей. И в воскресенье, умыв и приодев своих отпрысков, Кристина отправилась в фотомастерскую.

Андрей был на работе – он работал и по воскресеньям. Кристина оплатила в кассе услугу, взяла чек и провела детей за плотный черный занавес. Андреевы владения много места не занимали. Здесь стоял штатив, стул, вешалка и зеркало. Из мебели больше не было ничего. Все помещение за черным занавесом представляло собой короткий, довольно узкий коридор. В конце виднелась прикрытая дверь. Оттуда и вышел Андрей.

Он немного удивился, увидев Кристину с детьми. Она объяснила ему, что именно ей нужно, и он принялся за дело. Усадил детей и стал устанавливать нужный для съемки свет. Кристина стояла у занавеса, пытаясь уговорить мальчишек. Те вертелись, толкали друг друга и делали попытки подраться. Внезапно дверь в конце коридорчика приоткрылась, оттуда послышался женский голос. Он звал Андрея. Тот изви-

нился и сказал, что через минуту приступит к съемке. Он вышел, а Кристина занялась воспитанием. Она дала легкий подзатыльник старшему, вытерла слезы младшему, поправила на них костюмчики... Дети притихли, и поэтому она слышала то, что говорилось за дверью. «Слушай, куда это годится? – раздраженно спрашивала женщина. – Ты говорил, что принесешь деньги через месяц, а прошло уже полтора». Андрей пытался успокоить женщину, обещал, что принесет деньги в конце января. Та ничего не желала слушать. Она повысила голос, и теперь каждое ее слово отчетливо доносилось до Кристины. «Ты же говорил, что у тебя есть дача. Если нет денег – продай дачу». «Кто же ее купит зимой? – возражал Андрей. – Раньше марта-апреля и думать нечего... Если продавать сейчас, то я не наберу даже пяти тысяч! Ты же знаешь, как сейчас все упало в цене...» Женщина отрезала: «В таком случае, составим договор купли-продажи на мое имя. Естественно, я тебе ничего платить не буду. Так и разочтемся». Андрей умолял ее подождать. Кристина, которая слышала каждое слово, приходила все в большее изумление. Ведь Варя как будто не говорила ей, что у семьи возникли какие-то финансовые трудности. Кузмины всегда жили скромно, но им не приходилось ни у кого одалживаться.

Наконец, Андрей вышел. Кристина деликатно умолчала о том, что только что слышала. Увидев ее, Андрей как будто растерялся. Видимо, в пылу спора он совершенно забыл о том, что за дверью ожидает подруга жены. Он испытующе

посмотрел на Кристину, но та и бровью не повела. Она сделала вид, что все это время воевала со своими своевольными отпрысками. Андрей настроил свет, и через пятнадцать минут сеанс был окончен. Одевая детей, Кристина спросила, когда зайти за снимками. Он назвал число. Кристина поблагодарила его и ушла. Даже если бы она хотела расспросить его, это бы ей не удалось – за черным занавесом уже ожидали желающие сняться на паспорт, группка подростков с квитанциями в руках.

Закончив свой рассказ, Кристина вопросительно взглянула на Варю. Та сидела, будто каменная. И вовсе не потому, что так хорошо умела владеть собой. В этот миг она в самом деле, почти ничего не чувствовала. Кристина забеспокоилась:

– Слушай, тебе нужно выпить. Не хочешь ликеру – есть водка. Будешь?

– Давай. – Варя приняла у подруги полную до краев стопку. Водка была ледяная, и в то же время обжигала. Варе редко приходилось пить, но она проглотила содержимое стопки с той же странной невозмутимостью – будто занималась этим регулярно. Кристина вышла взглянуть, чем занимаются дети. Младший уже спал, свернувшись в клубок на диване. Старший пытался выковырять крохотную лампочку с пульта дистанционного управления телевизором. Кристина отняла у него пульт и накрыла младшего пледом. На этом ее материнские хлопоты закончились, и она вернулась к подруге.

Варя тем временем успела немного собраться с мыслями. Ее первым побуждением было не поверить Кристине. Может, та что-то и слышала, но не так поняла. Но женщина тут же отвергла этот вариант. Кристина, может быть, болтушка. Но уж никак не дура. И привирать ей несвойственно. За годы долгой дружбы – а они дружили с десятого класса школы – Варя ни разу не уличила подругу во лжи. Самым крупным Кристининым недостатком была страсть давать советы. Причем, зачастую бесполезные, и даже вредные. Но Варя почти никогда им не следовала, и их дружбу, таким образом, не омрачали взаимные обиды. Кроме того, Кристина любила посплетничать, и за это Андрей прозвал ее «Эхо Москвы». Но и это Варе никогда не мешало. Нет, подруга не солгала ей. У нее, прежде всего, не было ни малейшей причины лгать!

– Выпьем еще? – предложила Кристина. – Ну, не унывай. Мало ли что бывает! Мужики вообще скрытный народ. И зачем они из всего тайну делают? Мой последний, например, скрывал, что у него язва желудка. Представь – даже я не знала! Ел все подряд, зеленый ходил, мучился... В конце-концов, в больницу загремел. Я его потом спрашивала – зачем ты врал, что здоров? Я бы тебе готовила каши... А он заявил, что не желает, чтобы его считали старой развалюхой. Чуть в ящик не сыграл – до того молодился! А теперь...

– Да погоди ты со своим бывшим, – взмолилась Варя. – Сто раз я про него слышала! Ты лучше скажи – какую цифру называл Андрей? Пять тысяч долларов?! Он столько занял?

Да я никогда таких денег в доме не видела!

Кристина слегка обиделась:

– Не хочешь – можешь мне не верить. Только он сказал, что если продаст дачу, все равно не хватит денег, чтобы расплатиться. Я поняла, что и пяти тысяч не хватит. А сколько может стоить ваша дача? Я так и сяк прикидывала... Сам-то домик паршивый, но участок приличный. Как ни крути – в сезон за него можно просить тысяч девять-десять. Даже сейчас, при нынешних-то ценах. Ну а зимой, конечно, он стоил меньше. Кто покупает дачу зимой? Яичницу будешь? Я умираю – есть хочу.

И с этими словами Кристина взялась за приготовление ужина. Варя взглянула на часы и ужаснулась. Десятый час! Она вскочила:

– Слушай, я побежала. Вчера сдуру отключила телефон, теперь даже позвонить домой не могу. Спасибо, что просветила меня! Уж теперь я постараюсь узнать, занимал он деньги или нет. Надеюсь, все-таки отдал. Ведь дачу-то не продавали. Его родители до сих пор там огородничают. Только... Где же он мог взять пять тысяч? Больше и продавать-то нечего!

– Да ты не переживай, – заметила подруга. – Уже полгода прошло, наверное, он расплатился. А то бы ты уже познакомилась с кредиторшей.

– Ты ее так и не видела?

– Не удалось. А хотелось бы на нее взглянуть. Голос у нее

был такой... начальственный, – проворчала Кристина, гремя в духовке сковородками. – Черт, ни одной чистой... Я уж пыталась научить Гришку мыть посуду, взятки совала... Не берет. Не желает. А я тут хоть разорвись!

Она выудила, наконец, одну из сковородок и критически осмотрела ее:

– Ладно, сойдет. Ты мне позвони сегодня, ближе к полуночи. Я как раз уложу своих бандитов.

– Кстати, – Варя остановилась на пороге кухни. – Ты мне вчера вечером не звонила?

– Нет, я стирала до часу ночи, – вздохнула Кристина. – Видишь, как неудобно отключать телефон! Кстати, что это на тебя нашло? Раньше ты этим не занималась.

Варя уклонилась от ответа, торопливо попрощалась и сама отперла входную дверь. Последним звуком, донесшимся из квартиры, был оглушительный визг маленького Ваньки. Наверное, Гриша, лишенный пульта, взялся от нечего делать за малолетнего братца и с успехом его разбудил.

* * *

Домой она добралась к десяти часам. Варя уже успела представить себе, как будет негодовать ее мама. «Наверняка, опять скажет, что я все свалила на ее плечи, – думала Варя, поднимаясь по лестнице и доставая ключи. – Все-таки придется попросить на работе отгул. Иначе, я просто не попаду

на похороны собственного мужа...»

Однако мать, встретившая ее в коридоре, не сказала ни слова упрека. Она только как-то странно взглянула на Варю. В комнате слышались голоса, и Варя удивленно спросила:

– У нас гости?

– Да... Поздоровайся, – сухо сказала мать.

В комнате, кроме отца, сидели родители Андрея. Увидев ее, все замолчали, хотя до этого, казалось, вели оживленный разговор. Варя поздоровалась, не зная, куда деть глаза.

– Вы уже знаете? – только и смогла выдать она. – Я... Так получилось. Я не знаю, почему...

– Хочешь чаю? – с неестественным оживлением предложила мать. Было ясно, что она хочет замять возникшую паузу. Варе никто так и не ответил. Даже отец смотрел на нее с каким-то непонятным недоверием. Женщина заколебалась. Она очень устала, ей хотелось присесть, скинуть туфли, поужинать... Но разве могла она сделать это под обстрелом таких взглядов? Родители мужа всегда держались с ней ровно, но она никогда не могла понять – как они на самом деле к ней относятся. Недолюбливают? Просто терпят, за неимением другого варианта? Или все-таки приняли как свою? Они с Андреем всегда жили отдельно, и эти вопросы давно перестали волновать Варю. Вот если бы все теснились в одной квартире...

Она все-таки присела на диван – отец подвинулся, давая ей место. Вошла мать, поставила на столик рядом с Варей

чашку и тарелку со вчерашним пирогом:

– Поешь. А то вся зеленая. Где же ты была? Мы уже волновались.

– Я задержалась у Кристины, – объяснила Варя, принимаясь за чай. Молчание свекра и свекрови начинало ее раздражать. «Ну, хоть простое „добрый вечер“ они могли мне сказать? Неужели думают, что я виновата в смерти их сына? Или обижаются, что я сама не позвонила им, ни о чем не сообщила?» И Варя решила оправдаться хоть в этом. Она не могла больше выносить это молчание и обратилась прямо к ним:

– Вы извините меня, я хотела сообщить вам, что произошло... Но вчера я до вас просто не дозвонилась. Вы были на даче?

– Да, были. Только вот не на своей, – это, наконец, заговорила мать Андрея, полная, ярко покрашенная дама с претенциозным именем Изабелла. Она совсем недавно ушла на пенсию из магазина «Овощи-фрукты», где проработала всю жизнь – с ранней юности. Работа научила ее выражаться с предельной прямоотой и теперь она не выдержала первая. – У нас больше нет дачи. Ты разве не знала?

Варе с трудом удалось поставить на место чашку. Она даже умудрилась не выплеснуть горячий чай себе на колени. А Изабелла Степановна продолжала:

– Вот уж этого я от тебя, Варвара, не ожидала. Что ж ты молчала, что вы дачу продали? Мы с Петей, как дураки, па-

хали там с апреля, клубнику пересаживали, саженцы завезли... Одного навозу сколько перекидали – вот этими руками! – И она взмахнула пухлыми, ярко наманикюренными пальцами. – А вчера является дамочка с договором и заявляет, чтобы мы выметались! Получается, мы еще и весь урожай ей подарили?! Пахали на нее все лето?! У тебя что – язык отсох раньше сказать?! Договор-то в феврале составили! И сколько же вы, интересно, за дачу взяли? В договоре сумма фиктивная, ясное дело!

Муж с трудом выбрал момент, чтобы тоже вставить словечко. Когда Изабелла Степановна задохнулась от возмущения, ее супруг добавил:

– Порядочные люди так не поступают! А еще интеллигентов из себя корчите!

Тут не выдержала Варина мать. Она буквально кипела от возмущения, но до этого момента ей удавалось сдерживаться. Но тут и ее прорвало. Она закричала:

– Да что вы на нее накинудись! Продали – и продали, вас не спросили! Мы тоже ничего не знали! Дача была Андреева, это его личное дело – продавать ее или нет!

– Что значит – Андреева? – возмутилась Изабелла Степановна. – Участок мой муж получил, домик мы на свои деньги поставили, работали тоже мы. Скажете – вы там пахали?! Щас – приезжали позагорать, да еще осенью заглядывали, на все готовенькое. А то, что дачу мы на сына оформили, это же ничего не значит! Это же какую подлость нужно иметь,

чтобы даже нас не спросить! Да что я с вами тут рассуждаю – можно подумать, вы меня слушаете! Урвали жирный кусок! Ну так подавитесь им! Петя, идем! Идем, а то я этой шалаве...

Муж схватил ее за руку:

– Перестань, тебе же плохо будет! Перед кем распинаешься? Не видишь – у этих совести нет! Идем, хватит! – И уже в дверях, вытолкнув супругу в коридор, обернулся и заявил: – Андрея мы сами похороним. Слава богу – на это у нас еще денег хватит. А вас чтобы там не было – иначе не обрадуется!

На лестнице затихли выкрики удаляющейся свекрови, за свекром захлопнулась входная дверь. В квартире наступила нехорошая тишина. Щеки у Вари горели, во рту пересохло, сердце колотилось так, будто она только что остановилась после долгой пробежки. «Значит, он все-таки не выплатил долг. Значит, он продал дачу в феврале, – повторяла она про себя. – Вот почему он не желал тратиться на ремонт дачного домика. Дом уже принадлежал кому-то другому. Значит, Кристина не врала. Господи, почему же он столько времени молчал?»

Она взглянула на отца. Все время, пока родители Андрея поливали ее руганью, тот не вымолвил ни слова в ее защиту. Сидел с таким видом, будто все это его ничуть не касалось. Но вряд ли он чувствовал себя безмятежно. Варе, наконец, удалось поймать его взгляд, и она тихо произнесла:

– Я ничего не знала о том, что Андрей продал дачу. И денег этих в глаза не видела. Ты-то мне веришь?

Он не ответил, зато заговорила мать. На ее щеках еще пылал румянец – она раскраснелась, вступив в перепалку с родственниками:

– Если так – почему ты им этого сейчас не сказала? Я чуть со стыда не сгорела!

– Да разве бы они поверили? – горько ответила Варя. – Мне и самой-то не верится, что Андрей так поступил... На что он надеялся, почему молчал?

– Куда же он дел такие деньги? – удивилась мать. – Все-таки дача стоила прилично... Даже если допустить, что он продал ее по дешевке, все равно наберется шесть-семь тысяч долларов, а то и больше... Участок большой, ухоженный, много посадок, домик есть... Ничего не понимаю! Саша, – обратилась она к мужу. – Что же ты как чужой сидишь? Тебя это не касается?

Отец встал:

– А что я могу сделать? Продали дачу – значит, нечего рассуждать, как это вышло. Но его родителям все равно нужно было сказать!

И тут Варя не выдержала. Она расплакалась, как маленькая – горько, страстно, с сознанием незаслуженной обиды. Между рыданиями она сбивчиво рассказала о том, что узнала от Кристины. До этого в ее неосведомленность верила только мать. Теперь, похоже, поверил и отец. Он забеспоко-

ился:

– Значит, Андрей сделал долги? Да зачем ему деньги? Бизнесом он не занимался, получал твердую зарплату... Если он пошел на такое, значит, у него что-то случилось, а мы и не знали! Варя! – Он попытался привести дочь в чувство. – Варюша, ты уверена, что у вас дома этих денег нет?

– Да откуда им взяться, если он расплатился с долгами дачей? – возразила ему мать. – Оставь ребенка в покое, сам же довел, а теперь пристаешь!

Услышав, что ее называли «ребенком», Варя вдруг улыбнулась. Она всхлипнула еще пару раз, но уже больше для вида, и отправилась в ванную. Когда она вернулась в комнату, родители уже успели прийти к согласию и вынесли предложение – как следует перерыть всю квартиру. Нужно попытаться найти долговую расписку Андрея... Хоть какое-то упоминание о той женщине, которой досталась дача! Она-то должна знать, зачем Андрей занимал деньги. Тем более, если они работали вместе! Варя возразила:

– Он мог и не сказать ей, зачем ему деньги. Если он дал расписку, то мог и не указывать причину.

Мать вздохнула:

– Я не потому огорчаюсь, что у этих грубиянов теперь нет дачи. Мне жалко, Варечка, что тебе ничего не перепало... А они к тому же думают, что ты присвоила деньги... И как их переубедишь? Вбили себе в головы, что это так, а мы ничего доказать не сможем...

– Кстати, – заметил отец. – Они-то должны знать, кому продана дача. Если эта женщина показала им договор – там должно стоять ее имя. Нужно их спросить...

– Ну, нет! – возмутилась Варя. – Не желаю я их ни о чем спрашивать! Мне хватило того, что они мне сегодня высказали! А насчет договора... Должен быть еще один экземпляр. У Андрея. Ведь так полагается, кажется? Значит, нужно найти этот документ. Мне эти деньги не нужны, но я хочу знать – зачем он занимал такую сумму?

От прямого участия в поисках Варя отказалась. Она слишком устала за день. Женщина подключила телефон, поужинала, сидя на кухне и прислушиваясь к вечерним новостям по радио. Покормила кошек. Набрала себе ванну. Родители ушли незадолго до полуночи. Их активные поиски не дали никаких результатов. Второго экземпляра договора они так и не нашли.

– Ну и бог с ним, – устало сказала Варя. – Я сама поищу... Потом. Мам, что же нам делать? Неужели не идти на похороны? Разве они могут мне это запретить?

– И не думай! – возмущенно заявила мать. – Андрей твой муж – ты ему первая родственница! Это тебе любой скажет! Я уже столько продуктов на поминки закупила, хотели завтра ехать на оптовый рынок за водкой... Ты просто не обращай внимания на их происки. Поймут, что их не больно-то боятся – сами замолчат. Не захотят же они превращать похороны в скандал. А дом его был здесь – здесь и поминки

будут. Кстати... Не пора ли тебе позвонить в милицию? Когда они выдадут тело?

И Варя пообещала завтра заняться этим вплотную. Проводив родителей, она позвонила Кристине и сообщила ей новости. Та с философским спокойствием посоветовала не волноваться – что сделано, то сделано, главное – с долгами Андрей развязался. И печально добавила:

– Не знаю, как тебе, а мне жалко его. Конечно, повесишься с такими скандальными родителями... Думаю, он предчувствовал, что дачу они ему не простят... И не удивляюсь, что он с такой радостью собирался ехать в Питер. Хоть недельку пожил, как человек. Не боялся, что на него родичи накинута...

– Да неужели можно повеситься от страха перед матерью? – не поверила ей Варя. – Меня она обругала, да и то я вытерпела... А он ей все-таки родной, она любила его. Повозмущалась бы – и притихла.

– Ну, может быть, через годик бы и притихла, – иронично согласилась Кристина. – Слушай, а он, вообще, боялся матери?

Варя это отрицала. Андрей никогда не производил на нее впечатления забитого сына, который до дрожи боится суровых родителей. Да они и не были суровы к сыну. Они очень гордились тем, что у него такая интересная, не рядовая профессия – фотограф. Изабелла Степановна считала, что сын достиг небывалых высот. Ее муж, видимо, был полностью

с ней согласен – он тоже не получил высшего образования и никакого отношения к вольной профессии сына не имел. Конечно, Андрей был знаком с крутым материнским характером, но чтобы покончить с собой из-за страха перед скандалом...

– Нет, Кристина, тут было что-то другое, – мрачно сказала она. – И я бы очень хотела узнать, почему он на это решился. Особенно, если полностью расплатился с долгами. Мне это покоя не дает! Я должна узнать – должна!

– Ну тогда тебе остается только найти ту даму из фотомастерской, – решительно заявила подруга. – Если хочешь – пойдем туда вместе. Я, по крайней мере, слышала ее голос. Если опять услышу – может быть, узнаю...

И они договорились, что в самом скором времени примут совместный поход на бывшую работу Андрея. Кладя трубку, Варя подумала, что в фотомастерской до сих пор не знают, почему фотограф не вышел на работу. Было сомнительно, что за два дня, которые он «прогулял», никому не нужно было сниматься. Андрей сказал ей перед отъездом в Питер, что из всего оплаченного отпуска пока возьмет ровно столько, чтобы хватило на поездку. Остаток догуляет в сентябре, когда нужно будет помочь родителям снимать урожай на дачи. Так что его уже должны были хватиться...

Варя опомнилась. Она все еще стояла у телефона, держа руку на трубке. Урожай? Отпуск в сентябре? Когда Андрей говорил это, дача давно была продана, и значит... «Значит,

он мне соврал, — поняла она. — Неужели он думал, что новая хозяйка будет ждать до зимы, позволит снять со своего участка урожай? А может быть, такая отсрочка входила в их условия? Может, он надеялся вернуть ей деньги и аннулировать договор? Она узнала, что он умер и денег не вернет, и вот вчера явилась туда...» У Вари перехватило дыхание. «Но... Откуда она узнала, что он умер?! Это случилось рано утром, в поезде... Знала только я! Нет, я обязательно должна найти эту женщину. Чем скорей, тем лучше. Завтра же пойду туда! Мой зоомагазин открывается в десять, а фотомастерская — в восемь утра. У меня будет два часа, чтобы разобраться во всем...»

Уже ложась в постель, она подумала, не стоит ли отключить на ночь телефон? Вдруг вчерашнее хулиганье опять начнет ее изводить? Но никто ей не звонил, и она скоро уснула.

* * *

Утро было на удивление пасмурным и темным — оно бы сделало честь даже ноябрю. Выйдя из дома и взглянув на затянутое тучами небо, Варя подумала, что скоро все дни станут такими. Кончится август, начнется осень. Подумала, что сейчас в ее жизни много событий, слишком много. Ссоры с родственниками, похороны, да еще этот шаг, на который она сегодня решилась, — самостоятельное расследование. Без

участия Кристины – от нее слишком много суеты и шума. Но пройдет немного времени, может быть, неделя, может – две... И у нее не останется никаких дел. Изо дня в день она будет ходить на работу, а возвращаясь домой – кормить кошек, смотреть телевизор, готовить, стирать... А меняться будет только погода за окном. И животные, которых она продает в магазине. Может быть, появится новый, необычный любимец, вроде строптивого крокодила Гены. А в общем, ассортимент у них однообразный. Темпераментные крысы, бестолковые мыши, меланхоличные черепахи, да еще попугаи. К этим даже не успеваешь привязаться – они часто меняются, на них всегда остается спрос. Она будет жить своей размеренной, на чей-то взгляд, скучной жизнью... Так что, стоит ли сейчас жаловаться, что у нее слишком много забот?

Занятая этими размышлениями, Варя машинально убыстряла шаг и добралась до фотомастерской за пять минут до открытия – раньше, чем собиралась прийти. Едва она ступила под навес на крыльцо, как начался дождь. «Сегодня я буду у них первым клиентом», – подумала она, раскрывая сумку и нащупывая три кассеты с отснятыми пленками. Сегодня, собирая сумку, она вспомнила про них и решила заодно отдать на проявку. Тем более что не знала, что именно снимал в Питере Андрей. «Я ему ни разу не позировала, – вспомнила Варя. – Но он любил меня снимать в те моменты, когда я об этом не знала... Интересно, будет ли на его двух пленках хоть один мой портрет? Или я окончательно стала

для него пустым местом?» Это стало для нее чем-то вроде лотереи, где разыгрывались сразу два приза. Первый – чистая совесть. Если муж ее ни разу не снял, значит, она была не так уж неправа, когда говорила о разводе. А второй приз? Варя призналась себе, что не хочет его получить. Если муж все-таки снял ее, хоть раз... Что ж, значит, она совсем его не понимала.

Через несколько минут она услышала, как изнутри в замке поворачивают ключ. Она с трудом оттянула на себя тяжелую стальную дверь и вошла.

За прилавком в это раннее время была всего одна девушка – обычно тут крутилось две-три приемщицы сразу. Девушка лениво расставляла на полках фотоальбомы. Варя подождала, пока та обернется, и спросила, нельзя ли видеть заведующую? Девушка слегка удивилась:

– А что случилось? Вы насчет испорченной фотографии? Но мы же вернули деньги...

– Нет, я по поводу своего мужа. Он у вас работал.

Девушка извинилась:

– Простите, я обозналась. Вчера под конец дня приходила одна дама, у нее куртка как у вас... Заведующей еще нет. Так вы насчет кого?

– У вас работал фотограф, Андрей Кузмин, – напомнила ей Варя. – Этой мой муж. Так вот, я пришла сказать, что на работу он не выйдет.

– Ой, да я знаю! – протянула та.

– Как? – удивилась Варя. – Откуда вы узнали?

– Да он же уволился!

– Погодите, – запнулась женщина, глядя в честные, круглые глаза продавщицы. – Он только брал отпуск, и то не полный... Мы ездили отдыхать. Вы его путаете с кем-то!

– Ну что вы! – обиделась девушка. – Я хорошо знаю Андрея. Он уволился. И про отпуск сказал – что едет в Крым с женой. И что на работу больше не выйдет. Ему и трудовую книжку выдали, и все бумаги... Ну что вы? У нас же один фотограф был, с кем я его перепутаю?!

У Вари едва хватило мужества извиниться и признать свою неправоту. Девушка охотно ее извинила и опять принялась расставлять фотоальбомы. Варе она сказала, что заведующая собиралась прийти пораньше, так что ее можно ожидать с минуты на минуту. Варя присела за стол, где обычно заказывали фотографии, машинально включила матовый экран, на фоне которого клиенты рассматривали проявленные пленки. Девушка покосилась на нее, но ничего ей не сказала. Глядя на белый светящийся квадрат, Варя пыталась понять то, что только что услышала. Уволился? Но где бы он взял другую работу по специальности? Уволился и ничего ей не сказал... Соврал, что едет в Крым? Но почему бы не сказать про Питер – что в этом зазорного?!

Варя взяла проспект фирмы «Никон», автоматически его перелистала, не вглядываясь в манящие буквы рекламы. Остановилась на одной картинке. Да, такой же фотоаппарат

купил Андрей. Именно такой. А футляр той же фирмы купил отдельно, не поскупился на кожаный... И был счастлив, и не мог насытиться на этот фотоаппарат... «Он не собирался возвращаться на работу. Уволился. Не рассказал родителям, что дача продана. Предоставил сделать это новой хозяйке, когда... Когда его уже не будет. Он заранее обдумал самоубийство! Он уже знал, что сделает, когда поезд вез нас в Питер, когда мы вошли в гостиничный номер, когда я закатывала ему скандалы... Он все уже знал. Он мог покончить с собой в более спокойной обстановке, чем туалет в поезде. Например, в гостинице, когда я уехала в Кронштадт. Но он дотянул до последнего – до последней минуты. До последней минуты ему хотелось жить, если он все время откладывал свою смерть! Он покончил с собой, когда до Москвы оставалось совсем немного. Значит... Он боялся вернуться в Москву. Боялся этого больше, чем смерти».

Варя вспомнила предположение подруги – Андрей опасался родительского гнева. Какие глупости! Она попыталась вообразить, что могло ее саму подвигнуть на самоубийство. И не смогла придумать ни одной причины. Ни для себя, ни для покойного мужа. И ей по-настоящему стало страшно. Хотелось отмести эти мысли, но они упорно возвращались. «Почему он использовал для самоубийства именно ремешок от футляра? Бросил фотоаппарат в раковину... Хотел показать, что ему уже ничто не дорого, что жизнь кончена? Или это вышло случайно, он схватил первое, что попало под

руку?»

«Ну да, первое! – Шепнул ей тихий, рассудительный голос. – Он достал аппарат из сумки. Мог бы повеситься на своем поясе, на шнурках от кроссовок – все было под рукой, уж во всяком случае, не пришлось бы лезть на багажную полку...»

– Елизавета Юрьевна! Вас ждут! – Услышала она девичий голос и обернулась.

У прилавка стояла женщина в светлом, слегка забрызганном плаще и глядела прямо на нее. Продавщица указывала на Варю. Та встала, мельком отметив про себя, что лицо этой молодой женщины ей уже знакомо. Она видела ее в мастерской, но никак не могла подумать, что это и есть начальство Андрея.

– Я заведующая, – сказала эта женщина, и Варя снова удивилась ее молодости – ей было лет двадцать пять, не старше. – Вы ко мне? По какому вопросу? Хорошо, пойдемте! – сказала она, не дав Варе даже открыть рот.

И, на ходу доставая из сумки ключи, прошла за черную занавеску. Варя шла за ней. Знакомый узкий коридорчик – здесь работал Андрей. Стул, штатив. В конце – запертая дверь. Женщина привычным, автоматическим движением попала ключом в скважину замка и повернула ручку. Обернулась, еще раз приглашая: – Сюда.

Варя вошла за ней, вспоминая слова Кристины. Раздраженный женский голос, требовавший денег, доносился, по

словам подруги, именно из-за этой двери. Других помещений тут не было. Значит... Заведующая? Та тем временем включила электрический чайник, скинула плащ и повесила его на крючок. Она все делала быстро, движения получались четкие, отлаженные, будто у прекрасно отрегулированного механизма. Села за стол, задвинула немного выступающий ящик:

– Ну, я вас слушаю?

– Скажите, – начала Варя, присаживаясь на единственный свободный стул. Другой мебели, кроме стола, несгораемого шкафа и двух стульев, в крохотном кабинетике не было. – Мой муж, Андрей Кузмин, в самом деле, уволился?

– Да, – почти весело ответила она. – А в чем дело? Хочет вернуться? Что ж, я бы с радостью взяла его обратно. У нас на его место пока никого нет. Сама снимаю. Не очень-то это удобно, приходится весь день бегать взад-вперед, времени ни на что не остается. Почему же он сам не пришел?

Только тут Варя обратила внимание, что большой, прекрасно выполненный черно-белый плакат на стене является портретом самой заведующей. Молодая женщина была снята вполоборота. Ее узкое нежное лицо едва виднелось через завесу блестящих темных волос и наброшенной на голову белой шали с пышными кистями. И тем не менее, четкость изображения была такой, что виднелись и суженные зрачки ее светлых (наяву зеленых) глаз, и каждый волосок в тщательно приглаженных широких бровях, и крохотная ро-

динка в углу рта – будто тень намечающейся улыбки. Портрет был выполнен с большим мастерством, Варя даже сказала бы – с любовью. «Интересно, кто ее снимал? – подумала она. – Неужели Андрей?»

– Ну, так что же? – настойчиво повторила женщина.

– Он думает вернуться?

– Боюсь, он уже ничего не думает, – медленно ответила Варя, не в силах отвести глаз от плаката. – Он умер два дня назад. Точнее, покончил с собой.

И, не обращая внимания на тихий, неровный вздох, вырвавшийся у заведующей, Варя закончила:

– Я хотела спросить – это вам он продал свою дачу?

Глава 4

Она почти не сомневалась в утвердительном ответе, но заведующая ее удивила. Первую минуту та, казалось, пыталась справиться с потрясением. Наконец, нашарив на столе сигареты и закулив, Елизавета Юрьевна сказала, что даже не знала о том, что у Андрея была дача.

– Почему вы думаете, что он продал дачу мне? – задала женщина вполне резонный вопрос.

Варя была разочарована. Она никак не могла понять – разыгрывают ли перед ней фарс, или заведующая неподдельно потрясена ее заявлением. Если это была только игра – тогда у Елизаветы Юрьевны был несомненный актерский талант, и она только зря убивала время на своей нынешней работе.

– Я этого не думаю, а только предполагаю, – наконец, пояснила Варя. – Я знаю, что он задолжал одной из сослуживиц крупную сумму денег, и та требовала, чтобы он расплатился с ней дачей. Вчера я узнала, что дача была продана еще в марте. Явилась новая хозяйка.

– Но ведь это же не я! – воскликнула та. – Неужели вы не видите разницы между нами? Или мы очень с ней похожи?!

– Дело в том, что я и не видела покупательницу, – Варя все больше убеждалась, что заведующая говорит правду. Или часть правды. – Но, конечно, раз вы утверждаете, что не

покупали у него дачу... Тогда, может, кто-то другой купил? Кто-то из ваших сотрудниц?

В чайнике забурлила вода. Заведующая выдернула вилку из розетки и предложила гостье на выбор – чай или растворимый кофе. Варя выбрала чай, и та одобрительно кивнула.

– Я сама не пью растворимый кофе, у меня от него изжога. Никакого вкуса, и совсем не бодрит... Может, попробуете печенье? Нет? Ну а я поем. Не успела позавтракать. Ничего я теперь не успеваю.

Она придвинула Варе стакан, где в кипятке мок пакетик чая, сахарницу и ложку:

– Если вам нужно знать, кто из наших девушек купил у него дачу, я конечно, постараюсь вам помочь. Но что-то не слыхала, чтобы кто-то из наших разбогател. Золотыми горами мы здесь не ворочаем. Да вам лучше знать, вы ведь жена фотографа...

– Вдова, – поправила ее Варя.

Заведующая тихо извинилась. Сказала, что у нее просто в голове не укладывается, что Андрея больше нет. Что это какое-то безумие. Что она видела его всего десять-двенадцать дней назад, и ей тогда показалось, что он вполне доволен жизнью. Кто мог подумать, что все так закончится?! Она спросила Варю об обстоятельствах его смерти. Слушала ее, приоткрыв рот, будто проглатывая каждое слово Вари. Задала тот же вопрос, что и приемщица – заведующая тоже не знала, что Андрей ездил не в Крым, а в Питер.

– Странно, что он не сказал про Питер, – заметила Варя. – Не понимаю, откуда взялся Крым?!

– Да, странно, – откликнулась та. Она смотрела куда-то в пустоту, в ее пальцах быстро-быстро вращался карандаш. Наконец, она опомнилась и положила карандаш на стол.

– Я еще спросила его, когда оформляла трудовую книжку – может, он нашел работу получше? – вздохнула Елизавета Юрьевна. – Он заулыбался с таким видом, будто не хочет раскрывать тайну. Я еще подумала – надо же, какой скрытый! Просила заходить к нам, если на новом месте покажется хуже. Сказала, что уж в ближайший месяц мы точно возьмем его обратно. А он сказал, что не вернется сюда никогда... Если бы я знала, что он имел в виду!

– А что бы вы сделали, если бы знали? – поинтересовалась Варя.

Заведующая удивленно взглянула на нее и неуверенно ответила, что это просто расхожая фраза. И конечно, если человек решил свести счеты с жизнью, переубедить его трудно.

– Кстати, – заметила она, оправившись от смущения.

– Он не оставил записки? Ничего не объяснил?

– Ничего.

– А когда похороны? Если вы не возражаете, я бы пришла.

Варя взяла ее домашний телефон и пообещала известить о дне и часе похорон. Елизавета Юрьевна проводила ее до самого крыльца. Попросила не терять ее из виду, держать в курсе событий. Поинтересовалась, заведено ли уголовное

дело? С готовностью приняла у Вари пленки, о которых та вспомнила, уже собираясь открыть зонтик. Пообещала, что проявка и печать будут бесплатными – за счет мастерской. В виде своеобразного прощания с Андреем. И еще раз закрепила в том, что сделает все возможное, чтобы узнать, у кого Андрей одалживал деньги. Она, правда, не знает, как это теперь может исправить дело, но раз уж вдова так хочет... Заведующая спросила, какую сумму одалживал Андрей?

– Не меньше пяти тысяч долларов. Скорее, даже больше, – ответила Варя.

Та покачала головой:

– Знаете, я все больше убеждаюсь, что он брал деньги где-то на стороне. У меня, например, за последний год даже лишних ста долларов не было. Не говоря уже о других наших сотрудниках. Он сам вам сказал, что одолжил деньги на работе?

Варя замялась:

– Нет, я узнала об этом случайно... Но одно я знаю точно – женщина, которая требовала вернуть ей долг, сидела в вашем кабинете. По крайней мере, в январе, после праздников. Это, точно, были не вы? А кто еще мог к вам зайти?

Заведующая явно растерялась. Она смотрела на Варю так, будто та только что глупо солгала, и теперь непонятно, как на это реагировать. Варя встряхнула зонтик и, раскрыв его, вышла под дождь. Ей следовало торопиться, чтобы вовремя попасть на работу. Она уже сделала несколько шагов, когда

услышала голос Елизаветы Юрьевны – та бежала за ней:

– Пойдите! Вы говорите, у меня в кабинете сидела какая-то женщина? Она требовала с Андрея долг? Когда это было? Можете сказать точно?

– Я попробую узнать дату, – с сомнением ответила Варя. Она вовсе не была уверена, что Кристина сможет вспомнить такую деталь. – А в январе вы уже были заведующей?

– Я занимаю эту должность с прошлого октября! – воскликнула та. Она стояла под дождем, не обращая внимания на то, что с ее длинных волос уже бегут тонкие струйки воды. – И я никому не даю ключи от кабинета. Я обязательно узнаю, кто там был. А вы от кого это узнали?

Варя предпочла не выдавать подругу и отделалась уклончивым ответом насчет «одного знакомого». Она извинилась, взглянула на часы и побежала к автобусной остановке. Втиснувшись в заднюю дверь, она прижала к груди мокрый сложенный зонт и посмотрела в окно. Отсюда было хорошо видно крыльцо фотомастерской. На крыльце, под круглым навесом, стояла Елизавета Юрьевна. Судя по ее сгорбленным плечам, она пыталась прикурить сигарету, заслоняя огонек от ветра.

* * *

Поработав до обеда, Варя зашла к директору магазина и сообщила о своем несчастье. Она сделала это в самых сдер-

жанных выражениях, быстро сведя сообщение к тому, что ей нужен отгул – дня на четыре, не меньше.

– Что же ты раньше молчала? – посочувствовал директор. – Мы бы тебе деньги собрали, на венок. Конечно, иди. Я сегодня же все оформлю.

И этот день, и следующий целиком заняла подготовка к похоронам. Варя вместе с отцом съездила в морг, где должны были выдать тело Андрея. Свидетельство о смерти было уже готово. Отец оплатил скромный гроб и автобус-катафалк. Мать в то же время хлопотала о месте на кладбище, о рытье могилы. И возмущалась тем, что родители Андрея не звонили и никак не давали о себе знать. Варя старалась не думать о них. Она надеялась только на то, что в день похорон не разыграется какая-нибудь безобразная сцена возле гроба. Отец добавил ей переживаний, спросив на обратном пути домой:

– А ты не думаешь, что нужно позвонить следователю? Ведь дело заведено? Вдруг что-то выяснилось?

– Ну что там могло выясниться? – устало спросила она. – Главное, что нам отдали его хоронить, другое меня пока не волнует. Позвоню после похорон. И потом, у следователя есть мой адрес и телефон. Если бы что-то обнаружилось, я бы уже знала.

Похороны были назначены на пятницу. Мать Вари, скрепя сердце, позвонила сватье и сообщила, куда и в какой час нужно приехать. Та ответила неожиданно дружелюбно:

– А я уже сама вам собиралась звонить. А вот насчет поминалок сомневаюсь. Где устроим? У Вари или у нас? Тут его школьные друзья узнали, хотят прийти. Я так считаю, чем больше будет народу – тем почетней.

Договорились, что поминки устроят все-таки у Вари. От кладбища до Жуковского было далековато. Женщины обсуждали, на сколько человек готовить и кого просить этим заняться. О скандале не упоминали. Можно было подумать, что Изабелла Степановна забыла о своей горькой обиде, но Варя на это не надеялась.

– Сейчас ей просто деваться некуда, – мрачно сказала она, когда мать повесила трубку. – Да еще, наверняка, радуется, что все расходы и хлопоты мы взяли на себя.

– Да как можно такому радоваться? – не поверила ей мать. – У нее же сын погиб!

– Уверяю тебя, – жестко ответила Варя. – Она еще не раз напомнит нам про дачу. Сейчас просто неподходящее время.

Накануне похорон родители остались у нее ночевать. Вставать на другой день нужно было рано. Варя завела два будильника – для себя и для родителей, чтобы точно кто-нибудь проснулся. Она лежала в темноте, прислушиваясь к тому, как в другой комнате раздается невнятное бормотание. Родители что-то обсуждали. Потом заскрипела балконная дверь – отец вышел покурить. Все это что-то ей напоминало. Она даже припомнила, что именно. Ночь накануне ее свадьбы.

Тогда тоже завели все будильники, какие нашлись в доме, – нельзя же проспать такое событие. И так же не спалось отцу, он всю ночь бегал на балкон, курил. И о чем-то переговаривался с матерью. А где-то в полпервого ночи зазвонил телефон – это был Андрей. С Варей он говорить не стал, что-то обсуждал с ее матерью. Наутро оказалось – консультировался, какие цветы предпочитает его невеста – лилии или розы? «Лилии были дивные, – вспомнила Варя. – Они так пахли, что я заплакала от счастья. Их было штук двадцать, огромный букет. В брачную ночь пришлось выставить их на балкон – от запаха кружилась голова, сердце замирало... Дивные цветы... Плохо только, что на второй день они начинают пахнуть совсем по-другому. Как ни ужасно, но они тогда отдают мертвечиной».

Зазвонил телефон. Варю так и подбросило, она зажгла свет, взглянула на часы. Половина двенадцатого! То же самое время! Она услышала тревожный голос матери:

– Варя, спи, я возьму. Это Изабелла, насчет поминок. Сейчас, где тапочки... Да, алло? – Мать осеклась. – Кого? Минутку...

– Меня? – Варя уже стояла рядом, вырывая у нее трубку. Прижав ее к уху, она услышала уже знакомый, протяжный детский голосок.

– Это ты-ы? – пропел голосок. – А что ты делаешь?

– Кто говорит? – как можно тверже спросила она. – Кто это?

В трубке хихикнули. Звук был настолько мерзким, издевательским, что ей стало дурно.

– Почему вы сюда звоните? – спросила она. – Какой номер вы набираете?

– Твой, – ответил голосок. – Хочешь послушать музыку? Ты же теперь одна, тебе наверное, скучно?

– Если вы звоните мне, то должны знать, как меня зовут, – дрожащим голосом выговорила Варя. – Если вы не знаете этого – я кладу трубку. И больше к телефону не подойду, я скажу мужу, чтобы он с вами говорил!

– Тебя зовут Варвара, – ехидно сказали в трубке. – И никакого мужа у тебя больше нет. Врать стыдно. А теперь слушай музыку.

И в трубке послышалась смутно знакомая мелодия, потом вступил одинокий женский голос. Варя раздраженно положила трубку.

– Кто это звонил? – испуганно спросила мать.

– Не знаю. Какой-то ребенок балуется.

– Ребенок? – удивилась мать. – Мне показалось, что это это взрослая женщина.

– Да это мальчишка, лет восьми! – воскликнула Варя. – С чего ты взяла, что это женщина? Как будто взрослому человеку больше делать нечего!

– А раньше такое бывало? – забеспокоилась мать. Узнав, что однажды неизвестный абонент уже звонил Варе, она окончательно встревожилась: – Нет, ты как хочешь, а это не

случайный звонок! И это не мальчишка, а женщина – уж тут я не ошиблась!

Стукнула балконная дверь, и отец окликнул их. Он желал знать, почему никто не спит.

– Уснешь тут... – начала было мать, но Варя шепотом ее остановила:

– Не надо, ничего не говори. А то он вообще не уснет.

Она вернулась к себе в комнату, погасила свет и легла. Варя чувствовала себя омерзительно. Как будто кто-то в чем-то обвинил, а она не могла ответить. Как будто ее оскорбили, а она должна молчать. «Все бы ничего, но откуда этому чертову пацану известно мое имя? – подумала она. – Это мальчишка, противный мальчишка, что бы там не утверждала мама».

* * *

Она сдержала обещание, известив заведующую фотостудией о похоронах. Варя не думала, что та действительно захочет прийти. Но Елизавета Юрьевна явилась. Никто из приглашенных ее не знал, и она держалась в стороне – и возле морга, и на кладбище. Подошла к могиле попрощаться – одной из последних. Скромно положила с краешку букет белых гвоздик. Мать Андрея шепотом спросила невестку – кто эта девушка? Та объяснила, не упоминая, однако, о своих подозрениях насчет дачи. Варе и так уже пришлось вы-

слушать несколько замаскированных колкостей на этот счет. Родителям Андрея было трудно смириться с потерей, и они, видимо, не переставали подозревать невестку в том, что она утаила вырученные за дачу деньги. Прямо этого ей больше не говорили. Но Варя ловила на себе пристальные, осуждающие взгляды, и ее каждый раз передергивало. Хотя, может быть, в этом был виноват холодный ветер. Когда покидали кладбище, пошел дождь. Впереди ярко вспыхнул красный зонтик – его раскрыла Елизавета Юрьевна. Она одна подошла к синей, изрядно забрызганной грязью машине, закрыла и отряхнула зонт, села за руль. Варя не могла вспомнить, звала ли ее на поминки? Наверное, звала, но нужно бы повторить приглашение... Ей очень хотелось поговорить с женщиной, но она не могла сделать это при всех – ее ни на секунду не оставляли одну. Однако ее опасения оказались напрасны – когда микроавтобусы и машины вернулись во двор ее дома, синие «Жигули» тоже были среди похоронного кортежа.

– Извините! – Елизавета Юрьевна догнала Варю у подъезда. Она протягивала ей фирменный пакет с прозрачным оконцем – в таких обычно выдавались готовые снимки. – Я никак не могу остаться, мне нужно на работу. А это вам.

– Как жаль, – пробормотала Варя, принимая у нее пакет. – Я рассчитывала поговорить с вами...

– Вы о даче? – уточнила та. Поймав испуганный Варин взгляд, она перешла на шепот и сообщила, что ничего выяснить не удалось. Она опросила весь персонал мастерской –

и женщин, и даже мужчин. Никто не давал денег Андрею – во всяком случае, не признался в этом.

– Но у меня есть еще одна идея на этот счет, – сообщила она, оглядываясь по сторонам. Вероятно, Варя заразила ее своей нервозностью. – Я не знаю, у кого он брал деньги, но кажется, догадываюсь, кому он их отдал... Была у меня неприятная ситуация...

И, предупреждая вопрос, который был готов сорваться с Вариных губ, женщина быстро закончила:

– Я сперва кое-что проверю, а потом с вами свяжусь. Ну я побежала! Фотографии вышли, по-моему, неплохие. Вы уж простите меня, что я больше ничем вам не помогла...

Варя поблагодарила заведующую, но та, наверное, уже не расслышала ее слов – Елизавета Юрьевна побежала к своей машине, подняв воротник плаща, чтобы укрыться от вновь хлынувшего дождя. У самой Вари не было зонтика, и ей пришлось зайти в подъезд.

Фотографии она рассмотрела, запершись в ванной – больше в квартире было негде уединиться. Да и дверь в ванную постоянно дергали. Варя торопилась – она не хотела смотреть на снимки при всех, отвечать на вопросы, пускать фотографии по рукам. Она хотела убедиться в своей правоте – узнать, сбылось ли то, о чем она загадала...

Через несколько минут она сложила все снимки в конверт и снова заклеила его. Взглянула в зеркало, расчесала промокшие от дождя волосы. Кладя расческу обратно на подзер-

кальник, Варя подумала, что все-таки, их с Андреем неминуемо ждал развод. С тех двух пленок, которые отснял ее муж, было сделано в общей сложности шестьдесят три фотографии. И ни на одной из них Варя не нашла себя. «Что и требовалось доказать, – сказала она, глядя в зеркало. – Самое смешное, а может, грустное, что и я ни разу не сняла его. У меня была пленка на тридцать шесть кадров. Уж парочку снимков я могла бы сделать... Но мне просто хотелось смотреть в другую сторону. Уж никак не на него. Такое впечатление, что мы ездили в Питер, чтобы заснять дворцы, каналы и парки. Ну и прохожих, конечно. Все, что угодно, кого придется... Только бы не друг друга!»

Она села за стол одной из последних. На нее смотрели с сочувствием – наверное, решили, что вдова плакала в ванной. Глаза у Вари действительно были покрасневшие. Но не от слез – в этом была виновата бессонная ночь. Вчерашний хулиганский звонок растревожил ее настолько, что она уснула только перед рассветом. Ей не давала покоя навязчивая мысль, что она уже слышала музыку, которая звучала в трубке. Варя ругала себя, пыталась доказать самой себе, что это неудивительно, что она каждый день слышит массу мелодий – хотя бы у себя на работе, где постоянно звучит радио... Но тревога ее не оставляла. Она хотела вспомнить, где и когда она слышала эту музыку... И не могла.

Изабелла Степановна хлопнула по спинке свободного стула – по левую руку от нее:

– Варюша, иди сюда.

Варя оглядела стол и убедилась, что другого места ей уже не найти. Скрепя сердце, она присела рядом со свекровью. «Зачем она это подстроила? – думала женщина, стараясь устроиться так, чтобы не задевать локтем тучную свекровь. – Можно подумать, ей без меня жизнь не мила...» Но оказалось, что у Изабеллы Степановны имелись свои соображения. После того как за столом установилась относительная тишина и все выпили по первой рюмке, та шепотом обратилась к невестке:

– Ты на меня не сердись за тот разговор. Сама понимаешь – каково нам было дачу потерять!

– Я не сержусь, – кротко ответила Варя. Она нашла взглядом Кристину – та сидела с тоскливым видом, зажатая школьными друзьями Андрея, которые переговаривались через ее голову. Неизвестно, почему Кристина впала в такое уныние – из-за похорон или из-за того, что мужчины не обращали на нее никакого внимания... Варя видела, что подруга поглядывает на часы. Наверное, выжидает момент, когда можно будет встать и уйти...

– У меня вот какое предложение, Варюша, – доверительно продолжала Изабелла Степановна. – Надо бы встретиться с этой дамой, что купила у вас дачу, и поговорить. Нам с Петей все равно без участка не обойтись – мы привыкли, без земли теперь, как без рук. Чем искать новую дачу, лучше уж старую обратно выкупить. А ей она зачем? Я же сразу поняла – она

там копать не станет. Не из таких. Перепродаст, и все.

– Конечно, хорошо бы встретиться с ней, – поддержала ее Варя. – А вы знаете, как ее найти? Она не показывала вам договор купли-продажи? Там должен быть ее адрес.

Изабелла Степановна удивилась:

– А у тебя разве нет ее адреса?

Варя отвернулась от нее и уставилась в свою тарелку. Щечки у нее разгорелись. «Значит, они ни на секунду не поверили, что Андрей мне ничего не сказал, – поняла она. – Да и кто бы поверил в такое?» Свекровь возмущенно повысила голос:

– Ну, Варя, я с тобой, как с человеком, а ты... Я же не требую, чтобы ты сама за дачу заплатила. Понимаю, вам деньги были нужны. Могли бы, кстати, у нас попросить, мы бы кое-что подкинули... Ну давай поделим расходы пополам? Неужели вы все деньги подчистую потратили?

– Изабелла Степановна, я этих денег в глаза не видела, – сдержанно ответила Варя. – Ни денег, ни покупательницы, ни договора. Вы знаете об этом куда больше, чем я... Я, наоборот, хотела узнать от вас, кто именно купил дачу.

Свекровь поджала губы, и Варя поняла – та не может больше выдерживать деланно-дружелюбный тон. Сейчас будет скандал... Женщина встала и быстро сославшись на головную боль, вышла в другую комнату. Закрыла дверь, настороженно прислушалась. Но в столовой звенели столовые приборы, раздавался ровный гул голосов. «Я вовремя сбежала, –

подумала она. – Господи, куда же мне деваться? Гости уйдут нескоро. Неужели мне сидеть здесь еще часа два?»

Она скинула туфли, легла, укрыла ноги пледом. «Если придут меня звать, нужно изобразить головную боль, – подумала она. – Даже и стараться особо не придется... Насильно меня за стол не потащат. А добровольно сама не пойду». Она вытащила из-под подушки конверт с фотографиями – Варя сунула его сюда, выйдя из ванной комнаты. Достала из конверта три пленки, включила ночник. Она просматривала пленки на свет, сверяя каждый кадр с отпечатанными снимками. Это было довольно хлопотное дело, так как пачка снимков получилась довольно толстая, но Варя любила этим заниматься. Ей всегда было интересно сравнивать негатив и полученное на бумаге изображение. Вот несколько видов Петропавловской крепости – их сделала она. В левом верхнем углу одного снимка маячило что-то вроде розового воздушного шарика. Варя усмехнулась – если бы это увидел муж, он бы в очередной раз отчитал ее, что она сует палец в объектив. Она испортила таким образом немало снимков. А вот виды Летнего сада в яркий солнечный день. Это снимал Андрей. Смольный монастырь. Тоже его работа. Медный Всадник и веселая свадьба перед ним – высоченный жених, микроскопическая невеста, квартет бродячих музыкантов, какой-то бомж, примитивно переодетый Нептуном и по своей инициативе поздравляющий молодых... Все это снимала она – Варя даже вспомнила, как Андрей заявил, что

не любит этот памятник и вечную толпу вокруг него. Павловск... Опять она сунула палец в кадр – аж три раза! Сразу понятно, что она была в ужасном настроении и думала не о снимках... Варя отложила испорченные фотографии в сторону. «Сколько же мы наснимали! И ни одного нашего портрета нет... Как это все глупо! Уж лучше бы купили комплект цветных открыток с видами Питера. Хотя... Ничего себе, я все-таки сняла Андрея!»

Просматривая снимки в первый раз, в ванной, Варя не разглядела, что на одной из фотографий все-таки был запечатлен ее муж. Да его и трудно было заметить – снимок вышел темноватый, и Андрей оказался не на первом плане, а где-то на задворках кадра. Да еще вполоборота. Не похоже было, чтобы он позировал нарочно. Варя нахмурилась, разглядывая снимок. «Где же это мы? – раздумывала она. – Какой-то мерзкий дворик... Лужа, асфальт весь в дырках... Стены облезлые, желтые... Чего ради мы туда забрели? Хотя, ему-то всегда нравились такие местечки. Наверное, попросил снять его...» Но в то же время она понимала, что ничего подобного не было. Зайти в такой дворик они вполне могли – почему бы и нет? Но Андрей так мало доверял ее таланту, что никогда не попросил бы снять его. Обычно она сама просила его встать перед каким-нибудь объектом поэффектней и щелкала по мере своих сил. Иногда выходило неплохо. А муж в это время иронично улыбался и только изредка давал советы – где встать Варе, присесть ей на кор-

точки или, напротив, – залезть на какую-нибудь скамейку. В последнее время он слегка поправился, и потому просил снимать его чуть сверху – это скрадывало полноту. Если бы Варя снимала его в этом темном дворике, она бы помнила. Хотя бы потому, что Андрей не пожелал бы сниматься при таком освещении. Он бы махнул рукой и сказал: «Ничего хорошего не выйдет!»

«Ничего хорошего и не вышло, – подумала Варя, удивленно рассматривая снимок. – И хоть убей – не помню я этого двора!» Она просмотрела свою пленку. При выполнении заказа пленка была разрезана на восемь частей, и упакована в целлофановую оболочку. Варя быстро убедилась, что этого кадра там не было. Она взялась за пленки Андрея.

– Да в чем дело? – недоумевала она. – И тут ничего подобного! С какой же пленки это печатали?!

В дверь отрывисто постучались и тут же, не дожидаясь приглашения, в комнату вошла Кристина.

– Я ухожу, – шепнула она, округляя глаза и показывая пальцем на дверь. – Там уже выпили и по второй, и по третьей, а теперь считать перестали. Гляди, Варька, перепьются! Где вы их ночевать оставите?

– Я бы тоже с радостью ушла, – меланхолично ответила Варя. – Как там моя свекровь?

– Пьет за двоих. Вся багровая сидит, злая, как черт! – сообщила Кристина и предложила: – А что, в самом деле, может, поедешь ночевать ко мне?

– Неудобно, – засомневалась Варя. – Только что мужа похоронила...

– Да в чем неудобство? Ты свое дело сделала, а где ночевать – твое личное дело. Если бы ты к мужику поехала, а то к подруге! А что это ты делаешь? – заинтересовалась Кристина, разглядев разбросанные на постели снимки. Варя коротко объяснила ей, в чем затруднение, и Кристина придиричиво просмотрела на свет пленку.

– Э, да они пять кадров потеряли! – возмутилась она. – Смотри – с двадцать восьмого по тридцать третий – ничего нет. Это Андрей снимал?

Варя выхватила у нее целлофановую упаковку с пленками и убедилась, что подруга права. После двадцать седьмого кадра сразу шел тридцать третий.

– Это бывает, – пробормотала она. – Наверное, можно найти... Я скажу заведующей.

– Та девушка в зеленой блузке – Андреева начальница? – уточнила Кристина. – Почему она не осталась на поминки? Хотелось бы мне послушать ее голос... Может, я его узнаю? Давай, я схожу в мастерскую и поговорю с ней?

Варя вяло возражала – ей все-таки не верилось, что именно заведующая дала Андрею деньги. Ведь рано или поздно это должно было обнаружиться – так зачем же так упорно врать? Однако Кристина стояла на своем:

– Завтра же пойду туда и под любым предлогом поговорю с ней.

– Самый простой предлог – это сфотографироваться, – сообщила Варя. – Сейчас она сама снимает всех желающих. Другого фотографа у них пока нет. Я тебя об одном прошу – не упоминай, что ты моя подруга. Мне будет неловко, получится, что я тебя подсылаю.

И Кристина пообещала, что ни слова об этом не скажет. Ей все-таки удалось уговорить Варю уехать к ней ночевать. Вариных родителей это известие не слишком удивило – или у них просто не было сил удивляться. Оба выглядели совершенно измотанными. Мать сказала, что они опять переночуют на квартире у дочери. Все равно, за один этот вечер им ничего не прибрать. Изабелла Степановна бросила на невестку яростный взгляд. Варя про себя пожалела родителей – она боялась, что свекровь выместит злость на них. Отец, наверное, догадался об ее сомнениях, потому что вышел за дочерью в коридор и, понизив голос до шепота, попросил ее не волноваться.

– Правильно, езжай к Кристине, тебе там будет веселее. А Изабеллы не бойся. Вы теперь редко будете видеться – утешайся хотя бы этим.

Варя благодарно его поцеловала. Попросила не перекармливать кошек – они весь вечер таскали куски – опьяневшие гости охотно кормили животных из своих тарелок. Она собралась быстро, захватив только зубную щетку, ночную рубашку и пакет с фотографиями. Ей почему-то не хотелось с ним расставаться.

Кристина уже попрощалась с ее родителями и ждала Варю внизу, у подъезда. Она курила, с сомнением оглядывая темное вечернее небо. Слегка накрапывало, но было заметно, что дождь выдохся и в полную силу уже не пойдет. Варя взяла подругу под руку:

– Поехали. Я, наверное, сразу у тебя усну. И буду спать до полудня! Слава богу, у меня еще не кончился отгул!

Варю окликнули по имени, она обернулась. Неподалеку от подъезда, возле машины, возился мужчина в кожаной куртке. Она вспомнила, что он тоже был на поминках. Один из друзей покойного мужа. Из тех друзей, чьи имена вспоминаются с трудом, и только в крайних обстоятельствах, таких, как сегодня... «Как неудобно, – подумала Варя. – Не помню, как его звать? А он мое имя помнит...»

– Варя, вас подвезти? – спросил мужчина, открывая заднюю дверцу машины. – Куда вам?

Варя хотела отказаться, но Кристина ее опередила:

– Большое спасибо, это тут рядом. А вы в Жуковском живете?

– Нет, я уж лет восемь, как в Москву перебрался, – ответил тот. – Ну поедем?

Подруги уселись на заднее сиденье. Варя все еще была смущена – она понятия не имела, как обращаться к этому человеку. Проблема решилась просто – об этом спросила Кристина. Услышав ответ, представилась сама и улыбнулась:

– У меня первого мужа звали, как вас, Виталием. Страшно

вспомнить, когда все это было! Мы же с Варей почти в один день замуж вышли. А вы давно Андрея знали?

– Со школы, – ответил тот, слегка обернувшись. – С пятого класса вместе учились. Вместе хотели в летное училище поступать. Ну а потом... Он фотографом стал, а я в коммерцию подался.

– А чем конкретно занимаетесь? – поинтересовалась Кристина. – Если бытовую технику продаете – давайте сразу замнем этот разговор. Потому что я об этом уже слышать не могу!

Виталий засмеялся, но тут же осекся. Варя поняла, что это произошло из-за ее присутствия. «Конечно, ему неловко веселиться при вдове, – подумала она. – А Кристине он понравился. В ее вкусе мужчина – солидный, с залысинкой, машина в наличии... Если он учился в одном классе с Андреем, ему должно быть двадцать девять-тридцать лет. А можно дать тридцать пять. Впрочем, сейчас многие выглядят старше своих лет. Черт его знает, почему... Вот и я тоже распустилась, – выругала она себя. – Ведь еще в Питере думала, что нужно покрасить волосы! Теперь уже половина головы каштановая!»

Задумавшись, она на минуту отвлеклась от разговора, а когда снова прислушалась, обнаружила, что новоиспеченные знакомые обсуждают проблему телефонов. Кристина перегнулась через спинку переднего сиденья и оживленно жестикеровала. Наверное, она временами заслоняла водителю

обзор, но он ни разу ее не одернул.

– Я так вляпалась, просто не знаю, что делать, – жарко рассказывала Кристина. – Понимаешь, дело в том, что квартиру, где я сейчас живу, мне купил второй муж...

«Они уже на „ты“, – сообразила Варя. – О чем это она рассказывает? О, боже, о своем телефоне... Этого ей хватит на час!»

Грустную историю о том, как Кристина получила телефон, Варя слышала уже не раз. Второй, уже бывший муж подруги, купил для своей семьи квартиру в том же доме, где жила его мать. Матери нужен был уход, и он думал решить эту проблему с помощью Кристины. Однако, та и не подумала хоть немного отвлечься от работы, да еще родила второго ребенка. Свекровь, кстати, не упрекала невестку в незаботливости. Эта пожилая женщина сама когда-то «посвятила себя работе» и очень хорошо понимала Кристину. Она оказала молодой семье неоценимую услугу. В их новой квартире не было телефона, и лишних денег, чтобы заплатить за установку, тоже не было... И предприимчивая свекровь вызвала с телефонной станции сговорчивого монтера, сунула взятку... И тот установил параллельный телефон в квартире молодых. На станции об этом, конечно, не знали. Однако, кроме видимых удобств, появились и некоторые сложности. Номера телефонов были, разумеется, одинаковые. А решить, кто больше любит болтать по телефону – Кристина или ее свекровь – и кому из них чаще звоня, было невозможно. В результа-

те параллельный аппарат часто оказывался занят. Возникали мелкие конфликты, которые, впрочем, скоро улаживались.

Но потом все изменилось. Муж Кристины не преувеличивал, когда говорил о тяжелом состоянии своей матери. Старая женщина умерла еще до того, как пара развелась. Ее квартиру продали наследники – муж Кристины в их число не входил – кроме него, у матери были еще две младшие дочери, и обе остро нуждались в деньгах. Потом последовал развод. Кристина осталась в квартире с двумя детьми. И тут до нее вдруг дошло, что у нее, в сущности, так и нет своего телефона. Обитатели проданной квартиры были ей совершенно чужими людьми. Причем, злыми на нее людьми. Продавая им квартиру, наследницы не предупредили, что к телефону нелегально присоединен параллельный аппарат. Все это могло обернуться для Кристины крупным штрафом – в худшем случае. И отключением телефона – при самом лучшем исходе. Но пока ей как-то удавалось договариваться с соседями, и те ее терпели. Варя знала, что подруга установила своеобразный график звонков по телефону. Она убегала на работу с утра пораньше, детей тоже дома не было, так что часов до восьми вечера соседи могли звонить, сколько им угодно. Зато от восьми вечера до часу ночи Кристина брала реванш... Соседи до сих пор не донесли на нее только потому, что она ежемесячно давала им определенную сумму денег – от пятидесяти до ста рублей. И конечно, жаловалась на свою трудную судьбу, напоминала о своих несчастных детях...

– Представь, Виталий, – тоскливо вздохнула Кристина. – Теперь они всерьез решили меня отключить. Сегодня утром выловили у подъезда, когда я собралась на похороны. Сказали, что с них хватит...

– А что случилось? – поинтересовалась Варя. Она прямого участия в разговоре до сих пор не принимала, потому что следила за дорогой и давала указания водителю. Они уже подъезжали к дому Кристины.

– Да представь, – пожаловалась уже ей подруга. – Второй день поздно вечером звонит какая-то сволочь и начинает доставать! Они, видишь ли, решили, что это мне звонят. Я им говорю: «Почему это мне, может, вам? Номер-то одинаковый!» А они говорят, что это хулиганье мое имя называет! Просит, будто бы, Кристину к телефону!

– Что?! – вскинулась Варя.

– Да я тоже думаю, что врут, – убежденно заметила Кристина. – Им просто нужен повод, чтобы от меня отвяжаться. Действительно, телефон последние дни звякает незадолго до полуночи, да я никак не успеваю подойти – сама знаешь, у меня то стирка, то готовка, то дети развоются...

– А кто звонит?! – Варя так разволновалась, что не выдержала и схватила подругу за руку. – Мужчина? Женщина?

– Говорят – звонит женщина, и спрашивает меня. Я уж думала – это ты, но они сказали, что голос у нее какой-то странный, противный...

Варя молча откинулась на спинку сиденья. Она так стис-

нула пальцы, что обручальное кольцо защемило кожу. «Ну в чем дело? – уговаривала она себя. – Не обязательно, что это тот же хулиган... Но откуда он знает мое имя, этот мальчишка? Ведь с Кристиной происходит то же самое...»

Кристина тем временем давала указания, как заехать к ней во двор. Машина остановилась у подъезда, Варя первая открыла дверцу, поблагодарила водителя и вышла. Она думала, что Кристина последует за ней, но та не тронулась с места – водитель включил в салоне свет, и Варя видела, как подруга разговаривает с Виталием, перегнувшись через спинку переднего сиденья. Наконец, она сунула ему какаю-то бумажку и с заметным сожалением вышла.

– Симпатичный, как ты считаешь? – грустно спросила Кристина, поднимаясь по лестнице. – Ты не знаешь, он женат?

– Я его сто лет не видела, – отозвалась Варя. Она еле переставляла ноги, ступеньки казались слишком крутыми. – По-моему, последний раз мы виделись на каком-то пикнике, после того как я вышла за Андрея... Не помню точно, знаю только – это было страшно давно. Ты ему дала свой телефон? Смотри, может, зря... Вдруг тебе, правда, аппарат отключат?

– Да брось, это только угрозы, – легко отозвалась Кристина, доставая ключи. Она перешла на шепот. – Только потише. Я так надеюсь, что мои обормоты уже спят... Правда, они в девять никогда не ложатся, но все-таки...

Подруги вошли в прихожую, хозяйка зажгла свет. Устало

стянула плащ, бросила его под вешалку:

– Умираю, голова болит... Знаешь, что мне сказал Виталий, когда мы прощались? Оказывается, ему тоже в последнее время звонит по вечерам какое-то хулиганье. Сначала говорит какие-то гадости, потом смеется и предлагает послушать музыку. Как сговорились! Или это сейчас такая мода у подростков? Он говорит – звонит подросток или ребенок...

Варя почти ее не слушала. Это было чересчур для ее расшатавшихся нервов. У нее еще хватило сил пройти на кухню и сесть за стол. А потом она спрятала лицо в ладони и заплакала – впервые за сегодняшний день. Испуганная подруга подскочила и обняла ее за плечи:

– Ну не надо, не убивайся... Его все равно не вернешь, нужно жить дальше. Ликер будешь? Ой, я забыла, ты его не пьешь... Тогда водки? Или кофе? Или... Да черт бы вас взял! – воскликнула она, оглянувшись и увидев в дверях своих детей. – Я-то надеялась, что вы спите! Марш к себе, я сейчас приду! Не видите – тетя Варя плачет!

Варя заставила себя отнять ладони от лица. Глаза опухли от слез, она почти ничего не видела. Свет лампы расплылся перед ней, лицо Кристины казалось бледным круглым пятном.

– Отключи телефон, – шепотом попросила она.

– Ну что ты, зачем? – Кристина все еще пыталась смеяться. – Ну и пусть меня отсоединят, плевала я на это! Уж как-нибудь наскребу денег, поставлю себе отдельный.

– Отключи, – повторила Варя. – Я боюсь, что тебе позволят. Я тогда не смогу уснуть... Я... Не знаю, что тогда сделаю! Я руки на себя наложу! Как он смеет издеваться надо мной!

Она вытерла глаза и теперь ясно увидела лицо Кристины. Подруга смотрела на нее тревожно, в ее глазах был вопрос. Варя покачала головой:

– Я не сошла с ума, не подумай... Просто мне уже два раза звонили, и тоже ночью. И тоже ребенок, и тоже заводил музыку. Я не знаю, что это такое, как это понимать... Но он знает, как меня зовут. И мне страшно, очень страшно! Мне кажется, что кто-то меня ненавидит!

Глава 5

Субботним утром, незадолго до одиннадцати, в фотомастерскую зашла молодая женщина в джинсах и красном свитере. Выстояв небольшую очередь к кассе, она оплатила заказ на три черно-белые фотографии – формата три на четыре. Назвала свое имя – Кристина Гучкова.

– Пройдите туда, – указала ей приемщица за черный занавес. – Фотограф свободен.

Кристина вошла и настороженно огляделась. Она не припудрилась, не причесалась – сегодня ее ничуть не волновало, как она будет выглядеть на снимках. Строго говоря, эти снимки ей были совсем не нужны. Она пришла сюда совсем по другому поводу. Сегодня утром она выдержала целую баталию с подругой, которая всячески пыталась уверить ее, что заведующая фотомастерской не имеет никакого отношения к долгу Андрея.

– Но я хочу сама убедиться, – возражала Кристина.

– Нет, так нет. А фотографии всегда пригодятся. Я только послушаю ее голос.

...Кристина повертела в руках квитанцию, оглядела пустое помещение. Дверь в конце была чуть приоткрыта. Женщина сделала несколько шагов и негромко спросила:

– Можно фотографа?

Ей никто не ответил. Она подождала еще минуту и отдер-

нула занавес.

– Там никого нет, – сказала она, вернувшись в торговый зал и обращаясь к приемщице. Та очень удивилась:

– Как это нет? Фотограф на месте. Нужно позвать погромче.

– Может, фотограф и на месте, но никто не выходит. Приемщица со вздохом откинула доску прилавка и прошла за занавес. Указала на приоткрытую дверь:

– Фотограф там. Вы звали?

– Ну конечно, – уже довольно обиженно заметила Кристина. Девушка разговаривала с ней, как с бестолковой склочницей – вежливо, но очень сухо.

Приемщица слегка пожала плечами, подошла к двери и стукнула в косяк:

– Елизавета Юрьевна? Тут клиент...

Она заглянула вовнутрь, пошире приоткрыла дверь... И, отшатнувшись назад, едва не сшибла с ног Кристину, которая стояла прямо у нее за спиной.

– Что там? – спросила Кристина. Она сделала это по инерции, потому что уже и сама видела, что было за дверью. Кабинет заведующей был настолько тесным, что не заметить тело с первого взгляда было просто невозможно.

Через несколько минут у двери столпились все сотрудники фотомастерской. Кристину оттерли в сторону, к черному занавесу. В спешке его слегка оборвали с петель, и он свисал криво и нелепо. Женщину била крупная дрожь, она су-

нула озябшие пальцы в рукава свитера – алого, как кровь, залившая бумаги на столе в том крохотном кабинете... Она прислонилась к стене, часто глотая слюну и прикрыв глаза. В ушах шумело, и она различала все звуки, как сквозь сон. Кто-то кричал, что нужно вызвать «скорую», кто-то возражал, что врачи тут уже не помогут, и настаивал на немедленном вызове милиции. До Кристины донесся резкий, истерический крик. Она узнала голос приемщицы. Та кричала:

– Я же видела ее десять минут назад! Она была жива!

Кристина с трудом заставила себя отлепиться от стены и выйти в основное помещение мастерской. Растерянные, брошенные всеми клиенты стояли у прилавка. Никто не желал принимать у них заказы – все толпились возле трупa. Только кассирша осталась на посту, но и она ни у кого не принимала денег. Увидев Кристину, женщина крикнула:

– Да что там случилось?

– Убили фотографа, – ответила та, проглотив, наконец, душивший ее комок в горле.

– Как?! – ахнула кассирша. – Кого?! Елизавету, что ли?! Да что вы говорите – я ее только что видела!

Она закрыла кассу на ключ и тоже скрылась за черным занавесом. Кристина хотела выйти на крыльцо, но ноги у нее подкосились, и она мягко опустилась на подвернувшийся стул. Если бы не это – она бы свалилась на пол.

С этой минуты она воспринимала все относительно равнодушно. Как будто наблюдала происходящее вокруг нее по

телевизору. Краем глаза отметила наряд милиции. Узнала приемщицу, возбужденно рассказывающую что-то милиционеру. Потом до нее донеслись слова девушки:

– Да вот сидит женщина, она пришла сниматься.

До Кристины постепенно дошло, что говорят о ней. Она встала, отмечая, что голова все еще легонько кружится. Но женщина постаралась справиться с собой – она понимала, что сейчас ей не на кого опереться. Ей в голову пришла странная, но резонная мысль: «А ведь Варька была права, я зря сюда пришла. Голоса той женщины я так и не услышала...» В руке у нее до сих пор была зажата квитанция – ее она и показала милиционеру.

– Я хотела сняться... – сказала Кристина. – На паспорт.

– Вы заглядывали в кабинет?

– Нет, я только позвала мастера... Я даже двери не касалась, а сразу вышла в торговый зал и обратилась к этой девушке.

– А почему вы не заглянули в кабинет? Ведь дверь была приоткрыта – разве не так? Вы что-то там заметили? Может быть – услышали?

– Нет, – Кристина изо всех сил пыталась сохранять самообладание. – Я просто подумала, что фотографа там нет. Ведь я звала, а мне не ответили. И поэтому решила уточнить... Я сразу выглянула, когда мне никто так и не ответил.

Приемщица подтвердила ее слова. Щеки девушки полыхали алыми пятнами, она была вне себя от возбуждения, и с

трудом могла рассказать, как обстояло дело. Суть ее рассказа сводилась к тому, что она пошла в кабинет заведующей, чтобы вызвать ее. Так как штатного фотографа у них до сих пор не появилось, заведующая сама фотографировала всех желающих. Она приоткрыла дверь и увидела, что Елизавета Юрьевна сидит за столом... То есть, лежит головой на столе, а на бумагах, на столешнице – везде кровь...

Милиционер попросил у Кристины ее координаты. Она машинально сообщила их, даже не подумав спросить, зачем это нужно – ведь она даже не обнаружила тело. Ей разрешили уйти, и она с радостью покинула фотомастерскую. Вышла на крыльцо, увидела рядом милицейскую машину, отошла чуть в сторону, к тумбе с объявлениями. Достала сигареты. Ей уже не было холодно, напротив – хотелось ополоснуть лицо ледяной водой, чтобы прийти в себя, успокоиться. Она увидела, что из фотомастерской вышла кассирша. Она тоже достала сигареты, огляделась и увидев Кристину, попросила у нее прикурить.

– Ужасно, – отрывисто сказала кассирша, затягиваясь и резко выпуская дым. – Не могу поверить... Вы ее видели? Нет? И я не видела. Там такая давка, я не смогла прорваться. Что же это получается? Кто ее убил-то?

– А почему все думают, что ее убили? – выдавила Кристина.

Кассирша удивилась:

– А что, по-вашему, случилось? Не могла же она сама с

собой покончить!

– Всякий может, – возразила Кристина. Она уже немного пришла в себя, и начала кое-что соображать. – Она точно умерла? Что с ней случилось? Почему столько крови?

Кассирша нервно оглянулась на дверь мастерской:

– Да говорят, зарезали. Я-то сама ее не видела... И не хочу такое видеть! Боже упаси – и так хватило, сегодня спать не смогу... Что теперь будет, не представляю... Какие-то несчастья на нас посыпались! Вы только подумайте, у нас работал фотограф – тот с собой покончил. А Елизавета, наша заведующая, подменяла его... И вот вам – ее тоже нет... Когда же ее убить успели? – вдруг озадачилась она. – Вот прямо перед вами кто-то пробивал чек на снимки для загранпаспорта... А потом уж я у вас деньги приняла – это я точно помню. Получается, перед вами туда еще один человек заходил...

Кристина сперва не понимала, к чему клонит кассирша. Она взглянула на квитанцию, пробормотала:

– Ну мне это уже не нужно, вряд ли я сегодня буду сниматься...

– Слушайте, как странно получается! – перебила ее кассирша. – Вот вы туда зашли – и нашли ее уже мертвую. А за пять-десять минут до вас еще заходил кто-то, снимался... И спокойно ушел. Ни криков не было, ничего... Она что же – еще жива была?

Кристина согласилась с тем, что если бы клиент обнаружил труп, он бы вряд ли так невозмутимо удалился. Во вся-

ком случае, он бы сообщил о случившемся персоналу фотомастерской. Однако кассирша слушала ее впол-уха. По ее отсутствующему взгляду было понятно, что женщина думает о чем-то другом. Она опомнилась только тогда, когда слышано прижала пальцем кончик горячей сигареты. Женщина ойкнула, и сигарета упала на асфальт.

– Я знаете, что подумала? – неуверенно заговорила она. – Дело-то в том, что другого выхода там нету. Можно войти и выйти только через эту занавеску. А тогда бы я обязательно увидела...

– Вы о чем? – удивилась Кристина.

– Ну я все думаю, как туда попал убийца... Откуда же он вошел? Мог только со стороны салона. А после того клиента туда никто и не входил. Только вы!

Кристина попыталась улыбнуться, но не смогла. Она настороженно поинтересовалась:

– Вы что – думаете, это я сделала?!

– Да нет, конечно, – сдалась кассирша, как-то странно поглядывая на красный свитер Кристины. – Я-то заметила – вы зашли туда и сразу вышли. То есть не сразу, где-то через пару минут...

Кристина всерьез забеспокоилась. Она видела, что женщина не перестает развивать свою идею, и то, что она была главным объектом этой идеи, очень не нравилось Кристине. «Через пару минут вышла!» – с раздражением подумала она. – Конечно, это правда, но не очень-то легко доказать,

что я за эти две минуты не убила заведующую. Нет, эту даму нужно срочно развернуть в другую сторону – иначе она наделает беды! И чего ради она так уставилась на мой свитер? Неужели потому, что он красный?»

Она так прямо и спросила кассиршу. Ее ответ поразил Кристину. Та загадочно взглянула на нее и возразила:

– Да я не на свитер смотрю. У вас на джинсах пятна какие-то.

– Где?

– Да вот там, слева...

Кристина взглянула на свое левое бедро и с удивлением обнаружила на бледно-голубой джинсовой ткани несколько темно-красных, неправильной формы пятен. Она в ужасе коснулась ткани пальцами... На пальцах остались коричневатые следы. Что это было, она поняла сразу. Кристина содрогнулась, и почувствовала, что почва снова уходит у нее из-под ног. Чтобы устоять, женщина схватилась за тумбу, и нечаянно оборвала несколько объявлений. Кассирша отступила на пол-шага, но все-таки не убежала. Это слегка успокоило Кристину. «Если бы она всерьез думала, что я зарезала заведующую, то помчалась бы звать милицию... И бежать пришлось бы недалеко – ведь в мастерской уже полно милиционеров, они будут рады каждому подозреваемому...»

– Не знаю, откуда взялась эта кровь, – прошептала Кристина. – Джинсы были абсолютно чистые, я их только что стирала... Где это я прислонилась? Может быть, там, внут-

ри...

– Да где же? – с подозрением возразила та. – Кровь только в кабинете у Елизаветы... Царствие ей небесное!

Кристина поняла, что сейчас ей ни в коем случае нельзя уходить. Если она уйдет и пустит все на самотек, то вскоре получит повестку... И возможно, вызывать ее будут не как свидетеля, а как подозреваемую.

– Знаете, я тоже хотела бы в этом разобраться, – решительно сказала она. Ее тон, похоже, слегка ошеломил кассиршу. – Давайте-ка вернемся и попробуем найти, где я могла запачкаться? Ведь в кабинет вашей заведующей я точно не заходила – уж в этом я уверена! Я даже к двери не прикасалась! И кстати... Вы запомнили того, кто заходил туда до меня?

– Я... Да... – неуверенно ответила та. – Это была женщина... Я выписывала ей квитанцию. Вроде бы блондинка... Или блондинка стояла за ней? Ой, столько народу мелькает перед глазами! Я к концу дня сама себя в зеркале не узнаю!

– А где квитанция?

– Копия через копирку у нее, она его унесла. А подлинник у приемщицы.

Кристина решительно двинулась к двери фотомастерской. Кассирша побежала за ней. В дверях стоял милиционер – он не позволял заходить в мастерскую новым посетителям и не выпускал тех, кто там уже был. Кристину с кассиршей, однако, пропустили. В мастерской опрашивали посетителей,

записывали их адреса и отпускали по одному. Люди уходили встревоженные, часто оглядываясь. Они явно ожидали чего-то большего. Кристина обратилась к одному из милиционеров:

– Знаете, у меня тут на джинсах кровь. Я хочу понять, откуда она, я ведь в кабинет не входила!

Милиционер с интересом рассмотрел бедро Кристины и попросил ее дожидаться приезда оперативной группы. С минуты на минуту они будут здесь. Кристина присела в углу и приняла твердое решение – она с места не сдвинется, пока ее полностью не освободят от подозрений. «Иначе я просто спать не смогу, – подумала она. – Самое ужасное, когда тебя подозревают, а ты ни в чем не виновата!»

* * *

Варя в самом деле проспала до полудня – и даже чуть дольше. Ей не мешало даже то, что дети в соседней комнате включили телевизор и смотрели MTV. И то, что где-то в соседней квартире часов в одиннадцать заработала электродрель. Варя только слегка вздохнула и зарылась поглубже под одеяло. Она вылезла из постели только потому, что захотела есть. Хотела окликнуть подругу, но вспомнила, что та убежала в фотомастерскую – проводить свое личное расследование.

«Нет, это не может быть заведующая, – думала Варя, ставя

чайник на плиту и открывая холодильник. – Не вижу причин для вранья. Ну пусть даже именно она дала Андрею пять тысяч долларов. Наверняка, взяла у него расписку. Кто ему на слово-то поверит? А он отдать не смог. И естественно, что она захотела получить какую-то компенсацию. Что в этом крамольного? Могла бы прямо мне все рассказать, и я бы поняла ее, не осудила – какое я имею право ее осуждать! Я же не потому тревожилась, что родители мужа дачу потеряли. Мне просто интересно, зачем ему столько денег – да еще такая тайна вокруг этого?»

В холодильнике был обычный для Кристины набор – полупустые бутылки водки, уксуса, ликера и растительного масла. Одно яйцо. Жестяная банка каких-то консервов – без этикетки, так что ее содержимое можно было узнать только в результате вскрытия. Килограмм помидоров, сало, кастрюлька с каким-то странным содержимым – не то жидкая каша, не то загустевший гуляш. Эту смесь Варя вылила, кастрюлю тщательно вымыла и поставила кипятиться воду. Она решила сварить суп из пакетика – этого добра у подруги всегда было полно. Она бы придумала что-нибудь другое, но дети уже заявили ей, что в это время всегда едят и терпеть уже не в силах. Варя взглянула на часы и удивилась. Кристина ушла рано, часов в десять. Мастерская была не так уж далеко от ее дома. Чтобы сфотографироваться, нужно не более десяти-пятнадцати минут... Где же она пропадала?

Варя усмехнулась – если подруга обещала прийти через

полчаса, ее можно было дожидаться только через полдня. Она достала из шкафа пакетик с концентратом, высыпала его в кипящую воду. «Кристинка просто наслаждается свободой, бегают где-то по магазинам. Несчастливая, живет, как на коротком поводке – двое беспризорных детей, запущенный дом, пустой холодильник... Зарплата у нее почти в три раза выше моей, а питается она черт-те чем, как до сих пор гастрита не нажила... И все-таки, я бы предпочла бегать, как она, высунув язык, жить в захламленной квартире, питаться концентратами... Но чтобы дома, вечером, меня встречал ребенок. Что там кошки – разве они могут заменить ребенка? Особенно мои... У них одна мечта – налопаться повкусней и рассматривать свои животы. Посочувствовать они могут, конечно... Но не так уж я им и нужна. Если за ними будет ухаживать кто-то другой – они скоро привыкнут к этой перемене».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.